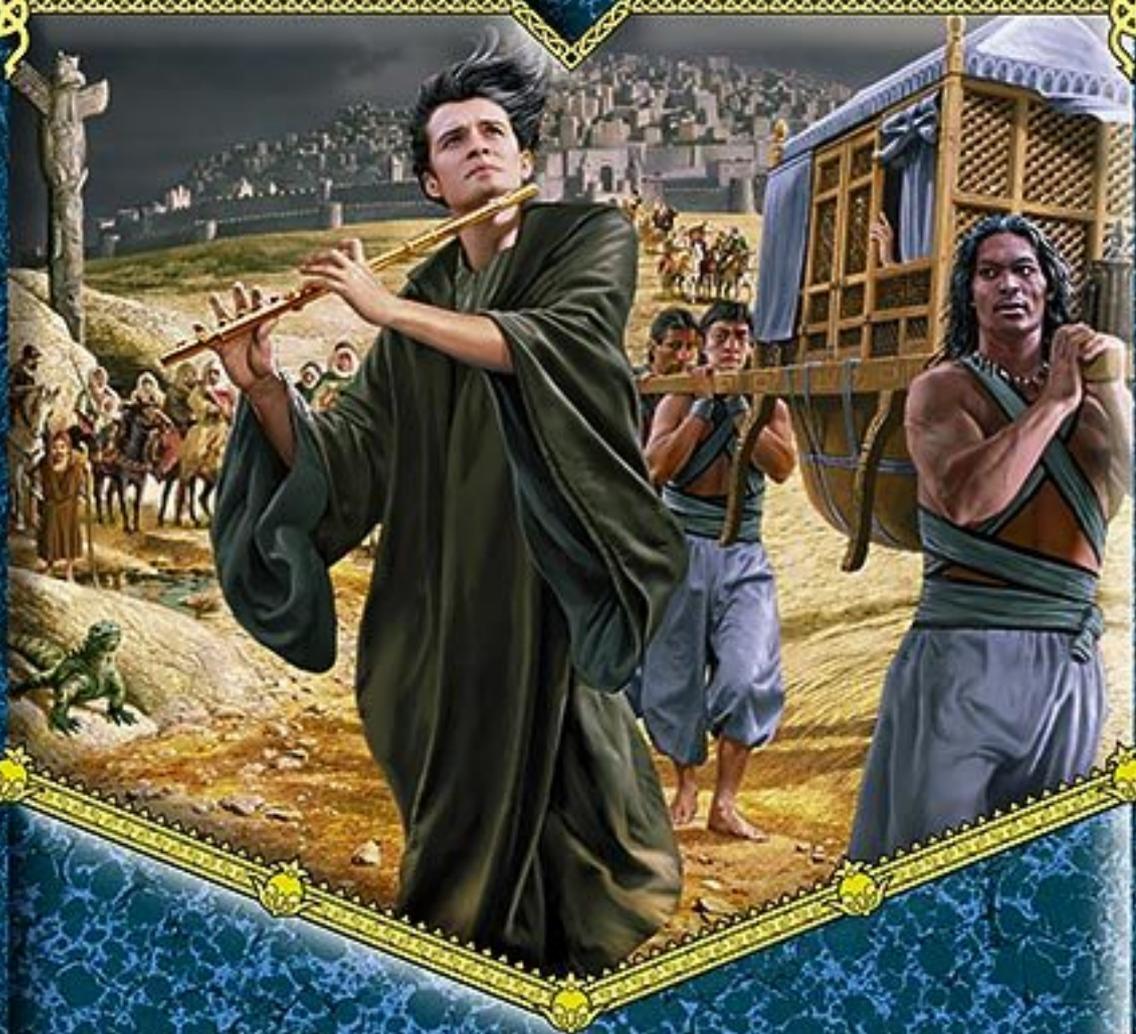

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Анна ВИОР

ЛЕГЕНДА О СВОБОДЕ.
КРЫЛЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Анна Виор
Легенда о свободе. Крылья
Серия «Легенда о свободе», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8741210
Легенда о свободе. Крылья: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2014
ISBN 978-5-9922-1887-9

Аннотация

Юный раб Вирд убегает из страны своего рабства в свободную Тарию. По следу беглеца идет чудовище, чтобы убить его. Но бывший раб открывает в себе невероятные возможности, Силу, не доступную больше никому из живущих. Проявившийся Дар помогает спасти себя и других. Вирд идет в страну, где его ждет безоблачное будущее. Но так ли это? С севера надвигается опасность. Древние существа из страшных сказок пробудились и жаждут крови. Юноша втянут в борьбу. Сможет ли он выйти из нее... живым?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	42
Глава 5	51
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Анна Виор

Легенда о свободе. Крылья

Пролог Суд эффа

Тшагас смотрел, как возвращаются рабы с поля... Из-за темных построек показались их почти призрачные, в последних лучах заходящего солнца, фигуры. Рабы: сгорбленные плечи и опущенные головы, устало обвисшие руки... А какой еще вид может быть у того, кто целый день горбатится на хозяйском поле, истекая потом и изнывая от жары?.. Тшагас – тоже раб... Он взглянул на свои руки – одеревенелые мозоли, огрубелая кожа... Хотя, когда он махал мечом в Чифре, руки были не лучше. Одежда, правда, на нем совсем не та... И обувь тогда у него была, а раб – босоног.

Его перед боем от работы освободили, и он раздумывает сегодня весь день, с кем придется драться... Из этих – никто не захотел. Скорее всего, это будут крепкие ребята с западных полей, тех, что граничат с Дикими землями; тамошние рабы никогда не прочь помахать кулаками.

Вон шагает Сибо, черная громадина. Если б этот Сибо согласился попробовать себя в боях для «суда эффа», соперников ему б не нашлось. У Тшагаса всегда челюсть отвисает, когда он видит, как Сибо ворочает булыжники. А как корчует пни! Но чернокожий сам себе на уме, молчит целыми днями, будто без языка родился. И драться никогда не станет – вера в каких-то богов запрещает ему. Он покорный, что вол... Прирожденный раб. Ну, не он один такую жизнь предпочитает смерти от зубов эффа.

Вот, к примеру, рыжий кутиец – вымахал достаточно, ему нет двадцати, а уже почти догнал Сибо. Скорее всего, не настоящий он кутиец. Где это видано, чтобы рыжие воины, известные своей свирепостью, безропотно пахали на хозяйском поле?! Скорее всего, какой-нибудь арайский мечник при захвате Куты изнасиловал его огненноволосую мамашу, а потом продал, выдавая за беременную кутийцем... Но как бы там ни было, а часть этой их горячей крови в парне должна течь. Наверняка когда-нибудь и он попробует уйти живым с «суда эффа»: может, уже в следующий раз, через три года...

А дружок его – слабак. И имя у него подходящее: Рохо – «птенец». Взгляд, правда, у него тяжелый, острый, что годжийский клинок, и глаза, сожри его эфф, зеленые, как у кошки... Тариец! Никто об этом ни слова, но Тшагаса не обманешь – уроженца великой Тарии он узнает из тысячи. Однако эффа-то взглядом или происхождением не остановишь...

А вот Марз – северянин, с самого настоящего севера по ту сторону Хребта Дракона. Из страны, где холодно круглый год и твердая вода падает с неба. Северянин тоже терпит: как только надсмотрщики к'Хаэля над ним ни измываются – Марз терпит.

Боятся... Все они боятся. Страх больше, чем недовольство, больше, чем боль, больше, чем тоска по родным местам... Эффов и свободные боятся, но рабы – особенно, этих зверей и вывели специально, чтобы идти по следу беглых. Эфф никогда не вернется к хозяину без головы того, за кем его послали.

А он – Тшагас, боится? Тшагас содрогнулся, представив эту тварь – эффа. Похожий на огромного пса, размером со льва, только лишенный шерсти, с желтыми пронзительными глазами и клыками длиной с ладонь, торчащими наружу. От затылка растет кожистый воротник с шипами по краю... Он и одной лапой может перебить хребет, а в пасть легко входит голова добычи. Щелкнет зубами – и нет у тебя больше головы...

Но до этого далеко. Еще не завтра... Чтобы попытаться своего счастья, использовать свой сомнительный шанс добыть ошейник эффа, а с ним и свободу, нужно еще победить в боях. В Аре существует закон: тот, кто предъявит ошейник эффа – вольный человек, и никто никогда не смеет опять обратить его в рабство. А чтобы ошейник с эффа снять – нужно его прежде убить. А можно ли эту тварь вообще убить?

Тшагас отогнал такие мысли. Потом... потом. Прежде нужно побороться с теми, кто, как и он, три года готовился, чтобы попробовать покончить со всем этим... Ведь перед тем как зверь отгрызет тебе голову и сожрет тело, ты, как победитель боев, проведешь «неделю в раю».

Самого лучшего, крепкого, сильного, ловкого, побившего перед лицом к'Хаэля всех своих соперников, ждут семь дней неги и роскоши. Комнаты с настоящей купальней... Кушанья. Мясо, вино. Как же давно не пил он вина? Да и мяса давненько не ел... Мягкая постель вместо соломенного тюфяка. Женщины... Семь рабынь-красавиц, по одной на каждый день. А хозяин-то хитер – потом пара красавиц из этих семи родят для него новых крепких рабов... Победителю станут прислуживать и кланяться, как к'Хаэлю. Смоют его многолетний пот, перемешанный с кровью... оденут в роскошные одежды вместо этого грубого льняного вретипа... даже обувь дадут... Тшагас пошевелил черными заскорузлыми пальцами на босых рабских ногах. Он – и в обуви! В последний раз ноги его были обуты в Чифре... в тот день... Сколько же лет прошло? Он и счет потерял... Ну да хватит – нажился в рабстве...

«Неделя в раю» – вот почему находятся желающие принять участие в «суде эффа»... вот для чего будут они стараться поскорее да посильнее расквасить друг другу носы. Оружия на боях, чтобы можно было драться до смерти, никто им не даст – к'Хаэль не дурак, чтобы раскидываться сильными рабами, и так одного – победителя, в любом случае он потеряет.

– Не передумал, Тшагас? – скрипучий голос старика Рулка.

Эти двое – кутиец Ого и «птенец» Рохо – как всегда, с ним: ишь, наострили уши... Щенки... У самих-то кишка тонка бросить эффу вызов. Впрочем, Тшагас и сам столько лет боялся... Думал – уж лучше живому псу, чем мертвому льву, как мудрец сказал... А теперь вот – решился, сожри его эфф... Дурацкое это ругательство, нельзя его повторять, когда идешь на такое дело... И кто только выдумал так ругаться?

– Не передумал, Рулк, – твердо отвечает Тшагас и смотрит прямо в его окруженные паутиной морщин черные глаза. Он ведь не всегда стариком был – почему сам никогда не пытался? – А что передумывать-то? Опять на поле? Сдохнуть от жары? Или от голода лучше сдохнуть?

– Ну ты ж ведь не сдох за столько лет... И я живой...

«Живой он... скелет ходячий», – подумал в ответ Тшагас.

– Не сдох – так сдохнешь! Немного протянешь! Я еще не видел, чтоб раб до твоих лет доживал.

Рулк только смеется:

– А мне немногим больше, чем тебе, Тшагас. Состарился рано. И все ж предпочту умереть с головой на плечах.

– А кто сказал, что я умирать собрался? Я еще заполучу ошейник эффа и стану свободным! А после, вот увидишь, Рулк, специально насобираю денег, выкуплю тебя, – уж за твои старые кости немного возьмут, – и оттяпаю тебе голову за то, что сейчас болтаешь.

Рулк опять смеется:

– На моем веку никому не удавалось заполучить ошейник. И у других я спрашивал – нет такого. Помнишь Гейшеса, что шесть лет назад пытался? Он был из Макаса, и ни одного года не задержался здесь, у Оргона – не успел еще превратиться в раба, отвыкнуть от оружия.

В первый же «суд эффа» вызвался. Говорил – все равно помирать. Он же с малых лет в бою с топором... И что? Его голову, как и всех прочих, положил эфф перед к'Хаэлем Оргоном.

– Я ведь тоже не хозяйская нежная дочка, Рулк! – рассердился Тшагас – и так на душе паршиво, тут еще и Рулк со своими поучениями... – Я сражаюсь с двенадцати лет!

– Сражался! А сколько лет твои руки меча не держали? – Тшагас прикусил язык до крови, ощутил железный привкус во рту; вот ведь скажет же... А Рулк продолжал: – Глупо это – надеяться, что одолеешь тварь. Она тебя перекусит, как сахарную косточку... Я слышал, что когда эфф взбесился у одного к'Хаэля, его три дюжины вооруженных воинов с трудом положили. А скольких он убил перед тем?

– Ладно, Рулк! Лучше уж молчи. Я уже решил. Да и бой уже никто не отменит, – пробормотал Тшагас. Этот Рулк слишком много для раба знает, на все-то у него ответы есть. Кем он был до рабства? Обо всем рассказывает, да только не об этом. – Могу я предпочесть быструю смерть медленному подыханию? Могу! Вот и молчи, пока зубы целы! Хотя... для тебя это уже не угроза...

– Да зубы у меня – что надо! – Рулк махнул рукой и отправился в барак – спать.

Ого с Рохо о чем-то там шепчутся. А вот и песню затянули... Поют, эффовы байстрюки, хорошо! С такими-то голосами услаждать слух благородных, а не петь так... в никуда... в темноте... как волк на луну воет...

Отчего-то Тшагас вдруг разозлился на них. Молодые. Трусливые. Сидят тут под деревом, поют... будто и не в рабстве! Неужели не устали за день! Он встал и направился в барак: нужно выспаться перед боем; по пути Тшагас не удержался и пнул ногой Рохо:

– Чего распищался, птенец? Думать мне мешаешь!

Друг его, кутиец Ого, вскочил было, но Рохо схватил его за рукав, а Тшагаса одарил ледяным взглядом, – не глаза у него, а годжийские клинки, не должно быть у раба таких глаз...

Дни его убегали, как вода между пальцами... Вот уже и пятая рабыня пришла. Пятый день...

Тшагас лениво махнул девушке, чтоб она подала ему вина.

Черноволосая, не знакомая ему. Она откуда-то с северных владений Оргона. Лицо ему не очень нравится, особенно после той, что была вчера – у вчерашней пухлые соблазнительные губы и огромные глаза, а у этой слишком большой нос, но зато и грудь побольше будет... И улыбается она; вторая – так и вовсе плакала. Никогда с мужчиной раньше не была. Вторая худенькая, как молодое деревце. Третья – пухлая красотка, какой и должна быть арайская девушка. Но у к'Хаэля Оргона не одни арайки – кого у него только нет, со всего света их собирает.

Запомнит он этих семерых, если выживет?... если выживет. Первую он уже почти забыл. Он так напился с непривычки в первый день, что мало понимал... Глаза у нее, кажется, серые... или голубые... или черные...

Пятый день уже пьет, а все никак не утолит жажду. А к женщинам уж не тянет так, пусть эта длинноносая подождет.

У него только два дня осталось... два дня... и три ночи. А пять он уже растранижил...

Тшагас был уверен, что победит, когда дрался с соперниками. Он имен их не знал. Не так много в этот раз желающих. Ему самому пришлось драться в три захода. Первый его противник – широкий, но низковат, неповоротливый – такому, главное, в захват не попасть. Он свалил его подножкой, хоть и не с первого раза, и локтем впечатал его нос в череп. Тот хрипел, из носа лилась кровь, руками махал, но встать так и не смог. Поделом!

Второй дрался вполсилы, поглядывая то и дело на Куголя Аба – старшего смотрителя эффов у Оргона; тот стоял весь в красном, и рядом с ним лучший эфф – Угал, в таком же красном ошейнике. Здоровенная зверина, больше обычного. Мерзкий, и запах от него неприятный... Белесая кожа в складках, желтые зубы, ярко-оранжевый язык, что высунут от жары. Когти – гигантские шипы. Хорошо хоть не Угала пошлют за победителем, а молодого эффа, что первый раз будет убивать... пытаться убить.

Тшагас содрогался, когда взгляд его падал на Угала, а второй его противник на эффа смотреть и вовсе боялся, поэтому и поглядывал на Куголя... И побеждать не хотел – передумал вдруг, хоть и выиграл в предыдущем бою. Поэтому свалился от одного тычка в пах и больше не поднимался, чем и недовольство к'Хаэля вызвал. Если уж решил драться – дерись! А боишься эффа – так сиди и не рыпайся!

А вот последний чуть самому Тшагасу шею не сломал. Он был здоровый, крепкий. Дрался, правда, не как воин – как раб. Ему бы хоть раз побывать в настоящем бою, где до смерти сражаются, а не за право... умереть от зубов эффа. Этот Тшагаса измотал. И тело до сих пор от его тычков ноет... всю радость от «недели в раю» эта боль портила. А еще больше портило то, что время не остановить.

Очень скоро Куголь Аб с бесстрастным, как всегда, лицом, возьмет Права на Тшагаса – маленькую деревянную коробку, на крышке которой начертано его имя, а внутри в небольших специальных углублениях – прядь его волос и немного крови, обращенной в твердую красную горошину.

На каждого раба у хозяина есть такая коробочка, и находится она в специальной Комнате Прав, которая очень хорошо охраняется. Права заводили при рождении раба или при обращении свободного в рабство. Права на Тшагаса сделал один арайский командир, захвативший их отряд в плен тогда... в Чифре... Кровь у него он взял прямо из свежей раны в предплечье от арайской стрелы... Сколько лет назад это было?.. Волосы его в Правах – еще без седины...

Каждый рабовладелец старался завести себе хотя бы одного эффа. Без эффа Права – формальность, а не средство управления. С эффом – любой, кто посмеет бежать, будет жестоко покаран. Если у хозяина есть эфф – бегство означает смерть.

А у к'Хаэля Оргона эффов больше трех дюжин. Он разводит их и торгует этими тварями. Он гордится лучшими эффами в Аре.

Когда необходимо было поймать беглеца – из Прав извлекались волосы и кровь раба. Кровь скармливали зверю, а волосы помещали в специальный мешочек на ошейник. Никто точно не знал, но все догадывались, что именно этот ошейник, непростой ошейник заставляет эффа бежать по следу столько, сколько потребуется, не забывать запах и не терять след того, за кем его послали. Не есть и не пить до тех пор, пока не насытится плотью убитого раба и не напьется его кровью. Но как бы ни был голоден эфф, как бы ни терзал он тело настигнутого, голову он всегда принесет хозяину нетронутой, как доказательство выполненной работы.

Лучшие убийцы – эти эффы... И лучшие сторожа, хотя и не бодрствуют на посту день и ночь. Для раба достаточно знать, что эфф у хозяина есть: убежишь – умрешь. Эфф найдет тебя в поле и в городе, найдет... сожрет... а голову принесет к'Хаэлю.

Только у Тшагаса, в отличие от беглых, будет меч, какой он сам себе выберет. Он – не заяц, который только и может, что бежать от гончей – он хорек, он еще погрызается этой тварью в морду... Может, удастся все-таки уйти? Может, Создатель смилуется над ним... Ведь он был когда-то воином... ведь знает, как держать меч... И эффа пустят молодого, без опыта... и фору ему дадут – шесть часов... Может, и сохранит он свою голову на плечах...

Что ж так больно и тоскливо на душе?

Тшагас обернулся к пятой девчонке, поманил ее, и она пришла, призывно покачивая бедрами... Он ухмыльнулся – ей есть за что простить длинный нос...

– Пойдем, Орленок, – сказал хрипло с тоской в голосе старик Рулк. Он всегда так называл Рохо. И это имя тому нравилось намного больше, чем рабская кличка. Своего настоящего имени Рохо не знал, – эфф вернулся...

Старик кивнул на столб сигнального дыма на западе – туда побежал Тшагас и оттуда возвращается посланный за ним эфф. С головой, конечно... И хотя Тшагаса Рохо недолюбливал, да и тот его не жаловал, но все ж сколько лет они в рабстве вместе... Они все здесь, что братья. Живут под одной крышей, работают на одном поле, едят одну и ту же еду, спят в общем бараке для мужчин. Женщины и дети – в отдельном. Жаль Тшагаса... Жаль...

Рохо бы не пошел. На что смотреть? На то, как зверь положит перед к'Хаэлем мертвую голову? Но всех рабов, что были в окрестностях и могли видеть сигнал, заставляли присутствовать при этом.

Остальные рабы на поле, заметив дым, складывали свои мотыги, и один за другим цепочкой шли к дороге, ведущей к поместью хозяина. Рулк еле волочит ноги, он все слабее и слабее с каждым днем. Ему бы больше отдыхать и есть получше... Рохо и так старался на поле сделать за него больше работы, делился с ним лепешками, что раздавали на обед. Когда-то старик Рулк тоже так делал – для него, когда он был мал, глуп, беспомощен... А сейчас? Он такой же птенец, как и тогда...

Рохо шел медленно, подстраиваясь под шаг старого Рулка, и они оказались почти в самом конце. Позади семенила беременная Михи, она уже скоро родит, а все ж наравне с другими работает по такой жаре. Михи еще младше его, ей лет четырнадцать, если не меньше... А отец ребенка – надсмотрщик, он насиловал ее почти каждый день... И никто ничего сделать не мог... Этот папаша теперь даже не смотрит в ее сторону, и послабления в работе ей не дает. Хоть бы какую лишнюю лепешку выделил...

А куда это делся Ого? Вот уж лис! Неужели воспользовался суетой по поводу этого «суда эффа» с участием Тшагаса и опять пристает к Михель? Не кончится это добром... Михель – игрушка хозяйского сына.

Они брели под палящим солнцем, все больше и больше отставая от других, Рохо еще сбавил шаг, чтобы помочь, если потребуется Михи. Марз, северянин, страдая от жары, тоже шел медленно. Он остановился и подошел к беременной, предлагая опереться на его руку. Михи благодарно улыбнулась тому в ответ, и Рохо, понимая, что его помощь уже не нужна, легко догнал Рулка.

– Зачем, Рулк? – спросил Рохо. – Зачем хозяину устраивать эти «суды эффа»? Ведь и так всем понятно...

– Хозяева говорят, – медленно отвечал Рулк, – «страх – честь раба». К'Хаэль кормит наш страх, чтоб мы знали – эфф непобедим! Если уж таким, как Тшагас, что побил других желающих, что имел меч при себе, к тому же умел им пользоваться, не удалось добыть ошейник – то куда нам... Не стоит и пытаться. Хозяин кормит наш страх, а эфф непобедим, – повторил старик Рулк и вздохнул. – Но ты, Орленок, однажды отсюда улетишь... улетишь, я знаю...

Старший смотритель эффов Куголь Аб, невысокий, жилистый, с лобными залысинами и седеющими волосами, крючковатым носом и каменным выражением на лице, стоит, приготовив для возвращающегося зверя угощение – широкую чашу с кровью. Его глаза всматриваются в даль, откуда придет его питомец. Возле Аба сидит Угал. Этот зверь самый страшный из них всех, самый огромный, самый опытный и сильный. Рохо бросает в дрожь каждый раз, когда он на него смотрит. От такого никогда и никто не уйдет...

Рохо слышал шепот, пробежавший в толпе рабов, он оглянулся туда, куда смотрели все. Молодой зверь, но достаточно уже большой, чтобы охотиться за людьми, бежал рысцой по тропе напрямик к помосту хозяина. Сбоку краснеет его ошейник, кожистый воротник опущен. В зубах он держит голову...

Рохо, узнав черты Тшагаса, поморщился и отвернулся.

Эфф подбежал к к'Хаэлю Оргону – сидящему мужчине со смуглым хищным лицом, сидящему на помосте, и положил перед ним свой трофей...

Куголь Аб поставил перед зверем чашу с кровью, которую тот стал лкать с наслаждением, поднял голову Тшагаса за волосы – черные с серебряными нитями, и показал всем присутствующим:

– Он не смог добыть ошейник! Суд эффа свершился!

Глава 1 Беглец

Рохо

Рохо бежал по выжженной солнцем потрескавшейся земле. Его босые ноги, привыкшие и к жаре, и к холоду, и к камням, и к колючкам, послушно поднимались и опускались, отталкивались от сухой почвы и вновь поднимались для бега. Его дыхание уже начинало сбиваться, а жажда мучила все сильнее и сильнее. Солнце палило непокрытую голову, а пыль, поднимаясь из-под ног, забивала ноздри и легкие.

Рохо был выносливым. Не таким, конечно, как чернокожий Сибо, который мог целый день ворочать тяжелые камни, отдыхая лишь по несколько минут, посидев неподвижно на корточках, но достаточно выносливым, чтобы дожить до семнадцати лет в рабстве.

Рохо не мог остановиться. Он пробежал последние свои шаги по этой земле, проживал последние свои мгновения. Но эти последние, такие трудные шаги, он делал не как раб – как свободный.

По его следу шел эфф.

Можно ли было убить зверя? Никто, даже хозяева-заводчики, не говорили, что нельзя. Но удалось ли кому?.. Он помнил Тшагаса и помнил его мертвую голову в руках у Куголя Аба...

В ушах Рохо звучали слова старика Рулка, сказанные когда-то его тихим скрипучим голосом: «Хозяин кормит наш страх. А эфф – непобедим».

«Эфф непобедим...» – пульсировало в голове.

Он это знал. Но он не мог больше оставаться там.... Там, где у Михи отобрали новорожденного ребенка, чтобы отдать куда-то, и не сказали даже куда: на жизнь или на смерть. А ее насильник – отец младенца, взирал на все это безразлично.

Там, где Ого продали, избив прежде до полусмерти, только за то, что он влюбился в игрушку хозяйского сына, посмел посмотреть на нее и заговорить с ней... Там, где издевались над людьми, обращаясь с ними хуже, чем с волами или овцами... Сибо надсмотрщики заставляли есть землю, избивали, требовали, чтобы он им ответил, но чернокожий великан никогда и никого не ударил, он был тверд в этом, как скала, он мог выдержать любые страдания, но другому причинять боль не стал бы.

Марза, родившегося и выросшего в Северных землях и с трудом переносящего жару, не раз и не два оставляли обнаженным и привязанным к столбу под палящим солнцем, просто чтобы посмотреть, как покраснеет его тонкая светлая кожа... Когда его отвязывали, он был словно обваренным в кипятке. «Вареный Марз» – называли его потом надсмотрщики и смеялись... И если бы не Тисая, которая разбиралась в травах и могла лечить ожоги, Марз умер бы...

От недоедания и болезней там погибали дети, и никому не было до них дела. Вирд помнил маленького Этти, помнил его огромные карие глаза, помнил... что он хотел жить... пусть в рабстве, но жить, – другой жизни мальчик ведь не знал. Даже Тисая не смогла спасти его. Однажды его обессиленное тельце осталось лежать на соломе в бараке, а его мать погнали на работы... Когда она вернулась вечером, его уже не было, и женщина кричала и выла по-волчьи всю ночь.

Там потухли глаза людей, как догоревшие огарки свечей, потухли без надежды; от боли, от тяжелой работы, от бед, оскорблений, от того, что они были лишь собственностью, не людьми – скотом... нет, хуже скота. Кто стал бы издеваться над животным, лишь чтобы увидеть боль и отчаяние в его глазах? Но страдание раба было для хозяина и его надсмотр-

щиков чем-то неотъемлемым – частью их существования... Жестокий надменный хозяин – к'Хаэль Оргон, властвовал над жизнью их и над смертью.

В рабстве у Рохо были друзья, но лучше бы их не было. Видеть, как больно тому, к кому ты привязался, с кем делил хлеб и удары кнута, во много, много раз страшнее, чем смотреть на страдания чужого человека.

Ого был его другом. Больше, чем другом – братом. Его мать приняла Рохо как своего ребенка, заботилась о нем. Ого – сильный высокий парень с рыжими как огонь волосами и широкой добродушной улыбкой. Он родился в рабстве. Но его родители знали вкус свободы: отца убили, а беременную мать захватили на юге Куты, страны, ставшей частью Ары всего десять лет назад. Мать Ого говорила, что в Куте все жители рыжие и веселые. Рохо не знал других жителей Куты, но Ого и его мать Инал были именно такими.

Ого угораздило влюбиться в девчонку-рабыню, красивую черноволосую Михель с нежной кожей и огромными карими глазищами. Девушка не жила в бараке с другими рабынями. Она была куплена специально для хозяйского дома – рабыня для утех. Михель была красива и благодаря своей красоте получала от жизни больше, чем другие: вкусную еду, мягкую постель, достаточно тени в жару, она не знала, что такое жажда и тяжелая работа. Михель была игрушкой хозяйского сына, одной из любимых игрушек, а на Ого она и не смотрела. Но Ого – не из тех, кто мог смириться и ничего не предпринимать. Стоило Михель выйти из дома, как он тут как тут – вьется вокруг нее. Он как-то умудрялся оказаться там, где Михель, даже во время всеобщей работы. Ого срывал для нее цветы, Ого пел для нее песни. А он пел так, что любой заслушается. У кутийца был чудесный бархатистый голос и отсутствием слуха он не страдал. Однажды они с Рохо сами сочинили песню для Михель: «Холодная красавица» – так она называлась.

Тогда им было весело. Хотя Рохо всегда знал, что добром это не кончится. И Инал знала, она не раз предупреждала сына и хмурилась, когда он заводил речь о Михель.

В конце концов что-то произошло; что именно, Рохо не знал, но Ого вызвали на суд к'Хаэля. Его обвинили в посягательстве на хозяйскую собственность. И перепуганная девушка сама свидетельствовала против него, рассказывая, что он отлынивал от работы и не давал ей проходу, предлагая непристойное. Сын к'Хаэля, низкорослый, жирный, как боров, парень лет двадцати, потребовал смерти Ого. Но Оргон был слишком жадным хозяином, чтобы вот так лишиться молодого крепкого раба. Он приказал избить Ого и продать его.

В последний раз Рохо видел друга привязанным к столбу с исполосованной плетью спиной, на которую хозяйский сын заставлял Михель плескать соленую воду. Михель плескала и смеялась – а его друг... его брат... орал от боли.

Рохо так и не узнал, разлюбил ли после этого Ого Михель или нет. На следующий день его увезли к другому хозяину, и вряд ли этот другой лучше Оргона.

Рохо не помнил, как попал к к'Хаэлю. Другие говорили, что ему тогда было лет шесть-семь. Сейчас ему семнадцать. Две жизни прошло. Семь лет на свободе, которых он не помнит, и десять лет в рабстве, которые помнит очень хорошо. Их не забыть – они впитались болью, вьелись отчаянием в его кровь. Каждая слезинка, каждое оскорбление, каждая рана, каждая смерть...

Там, откуда убежал Рохо, уже не было старика Рулка, который знал все на свете. Он умер, не дождавшись своего глотка воды на полуденном солнце, выбирая камни из сухой почвы нового поля. Рохо сглотнул слезы. Старик Рулк вырастил его, он научил его всему на свете: он и еще мать Ого – рыжеволосая Инал.

Рулк ослаб. Он присел прямо на землю, поджав ноги и опершись костлявой рукой о лежащий рядом камень.

– Пить... – прохрипел он, обращаясь к надсмотрщику. Рохо был в этот момент шагах в тридцати от него. Он выпрямился, бросил поднятый было камень и посмотрел в сторону, где сидел старик. – Дай немного попить...

– Еще рано! – ответил надсмотрщик, отворачиваясь от старого раба.

Рулк протянул к нему скрюченные пальцы.

– Дай мне пить... – повторил он.

– Еще не время! Работай! А то и обеда не получишь!

– Дай ему воды! – закричал Рохо.

– Кто там пищит? Птенец Рохо? – засмеялся второй надсмотрщик.

Рохо направился прямо к ним, твердо намереваясь напоить Рулка.

– Не нужно... не нужно... – хрипел старик. – Иди, сынок, работай! Не спорь с ними. Я потерплю... Я очень выносливый. Иди, прошу тебя!

– Послушай его, Рохо, и возвращайся к работе, если не хочешь, чтобы старая развалина сегодня осталась еще и без ужина.

Рохо закусил губу почти до крови и вернулся на свое место. Он поглядывал время от времени на Рулка, который полулежал, прикрыв глаза и прислонившись к камню. Его тело было ссохшимся, маленьким, беспомощным... Он думал – это хорошо, что надсмотрщики хотя бы оставили старика в покое и не заставляют работать.

А когда пришло время обеда и Рохо подошел к Рулку... тот оказался мертв...

Труп его оттащили на край поля и просто бросили на растерзание падальщикам.

В ту же ночь Рохо убежал. Он больше не вмещал всего этого... У него не осталось больше в сердце свободного места для боли.

Рохо не стал дожидаться «суда эффа», он не будет участвовать в состязаниях за право убежать от зверя с оружием в руках. Все равно это бесполезно. А «неделя в раю» и дармовая хозяйская роскошь, подачка всемогущего к'Хаэля ничтожному рабу – ему, Рохо, и задаром не нужна. Это будет честная свобода и честная смерть!

Шансов у безоружного, не самого сильного, не самого ловкого, не умеющего драться семнадцатилетнего парня против чудовища, которого с трудом убивали несколько десятков вооруженных воинов, – нет... Эфф сожрет его... Но все же – это его свобода!

Рохо продолжал бежать, когда услышал шелест камней, выскакивающих из-под огромных лап, тяжелое дыхание зверя за спиной. Мерзкая вонь ударила ему в ноздри. Ну вот и все... Вот и явился зверь, чтобы предъявить на него свои права. А ведь и правда – Права на него были теперь не у к'Хаэля Оргона, а у эффа. Кровь Рохо у него в брюхе, и прядь волос в специальном мешочке на ошейнике.

Кто-то говорил, что эфф убивает молча, что он очень редко издает какие-либо звуки.

Рохо не хотел, чтобы его убили молча и со спины. Он посмотрит в глаза своей смерти! Он остановился и резко обернулся, крутанувшись на босых пятках. Зверь тоже остановился, затормозив передними лапами, и фонтан пыли вылетел из-под них, опускаясь облаком на стоящих друг против друга эффа и человека. Желтые глаза твари встретились с зелеными глазами Рохо.

«Я настиг тебя, так и должно быть. И теперь я тебя убью!» – говорит пристальный злобный взгляд эффа. Но Рохо выдерживает его. Сейчас он впервые видит зверя так близко, он может рассмотреть складки лысой пегой кожи, желтые клыки, с которых капает слюна, вывернутую верхнюю губу, обнажавшую оскал, ноздри, раздувающиеся при каждом вдохе, прижатые к черепу острые уши, чуть заметные выступающие роговые отростки на лбу. Развернувшийся веером кожистый воротник щетинится острыми шипами. Когти вонзились в потрескавшуюся землю, куцый хвост подрагивает от возбуждения.

С ужасом Рохо осознал, что это Угал – самый крупный, сильный и опасный хозяйский эфф.

«Сейчас он убьет и освободит меня», – думает Рохо. Он видит, как зверь еще больше обнажает зубы и красное небо... как поджимается, приготовившись к прыжку, как уши его становятся торчком, а кожистый воротник поднимается над головой, как он отталкивается задними лапами и отрывается от земли, одновременно разевая смердящую пасть, чтобы впиться в его горло...

Все это длится считанные доли одного мгновения, но не для Рохо, для него – это целая жизнь. Что-то внутри него, сжатое до сих пор в тугий крепкий узел где-то в районе солнечного сплетения, вдруг распрямляется, растекаясь волнами тепла и света по всему телу. Затем эти волны концентрируются в один направленный пучок силы и выстреливают через его правую руку, которая сама собой, напрягшись до предела, вскидывается раскрытой ладонью вперед в останавливающим жесте.

Эфф, уже распрямившийся в прыжке, с яростными навывкате глазами, склонив раззявленную пасть, едва не касаясь клыками горла Рохо, вдруг отскакивает, словно ударившись о невидимую стену...

Он рухнул на землю тяжелой грудой и взвыл от удивления, ярости, отчаяния, жажды. Рохо никогда не слышал подобного звука, этой вой пробирает до костей. Зверь скалится и заходится в вое-лае-визге, наскакивая в сторону человека и царапая твердую землю, но не может преодолеть невидимой преграды, будто кто-то держит его на цепи.

А Рохо так и стоит с вытянутой рукой: он понимает, что происходит нечто такое, чего быть не может. Эфф – молчаливая смерть – ведет себя как глупый цепной пес, увидевший кота и не способный его достать. А беглый раб-мальчишка стоит перед чудовищем и не боится... Внутри него покой, уверенность... сила. Он знает то, чего не может знать. Он знает, что эфф не владеет им, как не владеет им и к'Хаэль Оргон. Он знает, что та кровь – его кровь, которую проглотила тварь – не отдала Рохо эффу, а наоборот, дала права на эффа ему – беглецу, за которым послали смерть. И еще он знает, что он больше не Рохо, это имя-кличку дали ему те, кто считал себя его хозяевами, и означало оно – «птенец». Его имя – Вирд, этим именем назвали его отец с матерью, а оно означает – «летающий».

– Я – Вирд! – заговорил юноша. – Я победил тебя! Ты мой!

Эфф, услышав его голос, вдруг перестал бесноваться и устался, тяжело дыша, на человека.

– Ты мой! – продолжал Вирд холодным уверенным тоном, тоном не беглого мальчишки-раба, а облеченного властью мужчины. Часть его считала этот тон таким естественным, таким правильным, а часть не понимала, откуда это взялось. – Та кровь – моя кровь, что внутри тебя, сделала тебя моим! Ты повинешься мне, Угал!

И эфф понял, его пасть захлопнулась, глаза как будто потухли, уродливое тело расслабилось, и кожистые складки обвисли. Зверь лег на землю, положив громадную голову на сложенные передние лапы, и тихонько заскулил. Он не был похож сейчас на чудовище, на смерть и ужас многих поколений рабов. Это был прирученный пес, послушный и не опасный, ждущий приказов. Огромный Угал повиновался ему...

Эффы никогда не вели себя так, они не были домашними животными, преданными хозяину, привязанными к человеку. Они были смертью на поводке, оружием, карающим мечом, ножами которому служил ошейник. Только благодаря специальному ошейнику эффы повиновались. Эфф без ошейника – смерть не только для рабов, но и для всех, кто окажется рядом. И даже тому, чьи руки ухаживали за зверем, кормили его, в этом случае не удавалось избежать его клыков. При рождении на эффа надевался ошейник, впивающийся тонкими иголочками в плоть твари. Этот ошейник не смел снимать никто, пока эфф жив, а после смерти он обязательно уничтожался. Если бы раб предъявил ошейник эффа как дока-

зательство свободы, это означало бы лишь то, что он убил зверя. Никто не мог продать рабу ошейник, и никаким другим способом его нельзя было заполучить. Поэтому закон свободы за ошейник эффа и существовал.

Вирд опустил руку; воздух, пропитавшийся его силой и уверенностью, звенел вокруг него. Юноша спокойно, не спеша, абсолютно не чувствуя страха, подошел к смиренно лежащему зверю, наклонился и недрогнувшей рукой расстегнул и снял громадный ошейник.

Когда Вирд распрямился, эфф посмотрел на него и тут же отвел взгляд. На миг юноше показалось, что в глазах твари промелькнули радость и благодарность.

– Вернись к Оргону! – скомандовал Вирд тем же твердым уверенным голосом, не допуская и тени сомнения, что тварь не слушает его. – И не смей убивать человека, если встретишь! И впредь ты не убьешь человека, Угал!

Эфф встал на могучие лапы, отвернулся и рысью побежал в сторону хозяйского дома, а Вирд стоял и смотрел, пока зверь не исчез из виду за поворотом пыльной тропы.

Когда эфф ушел, Сила, растекшаяся вокруг, стала вновь сворачиваться и сплетаться в тугой узел. А тело и разум лишились недавних уверенности и спокойствия; глаза Вирда расширились в ужасе от осознания того, что произошло, тело забила дрожь. Он почувствовал такую слабость, что не смог удержаться на ногах и рухнул на сухую землю. На лбу его, ладонях и ступнях выступил холодный пот. Несмотря на полуденное солнце и жару, ему было так холодно, будто он очутился в ледяной далекой стране, из которой родом Марз; северянин говорил, что там можно замерзнуть насмерть...

Тело Вирда сводили судороги, дрожь не прекращалась, голова стучала об иссохшую землю, правая рука сжимала ошейник эффа. Смертельный холод сменился неистовым жаром: казалось, он сгорает в ярком пламени, затем вновь задрожал от холода и снова от жара. Разум затуманился, сознание провалилось в темноту, и из этой темноты то и дело вырывались образы: его бег по раскаленной земле, эфф, настигающий его, красный ошейник в руке. Он падал в бездну...

Рохо разговаривает с плачущей Михи. Она очень слаба после родов, и ей так жаль своего ребенка, которого забрали. Юная, красивая, со светло-русой до пояса косой, в белом потрепанном платье. Рохо пытается найти слова утешения, сказать, что все будет хорошо, но он знает, что не будет... Михи тоже знает. Михи ушла в свой темный барак, где ночевали на соломенных тюфяках рабыни, а Рохо остался сидеть под деревом – Деревом Размышлений. Это дерево многое повидало. Сколько поколений рабов находило тень под ним, сколько умирало прямо под ним, сколько рождалось... Сколько всего передумали рабы, сидя вот так, как сейчас сидит Рохо... «Я не могу здесь, я убегу», – думает он.

Колени жгут сухая земля и впившиеся в кожу камни, солнце раскалилось и немилосердно палит непокрытую голову. Он плачет, обхватив руками застывшее в скрюченной позе и уже холодное мертвое тело Рулка. Надсмотрщики ругаются, поминая эффов, мать Рохо, проклиная его самого и требуя от Сибо и Майшаса оттащить труп на пустырь. Но рабы не смеют тревожить Рохо в горе.

Инал нежно берет его за плечи:

– Пойдем, Рохо, пойдем... Он умер.

«Я не останусь здесь! Я не могу остаться здесь... Мне нужно бежать... Мне нужно уйти отсюда!»

Вирд вновь чувствовал свое тело, оно болело и дрожало, невидимые иглы впивались в виски, и образы, образы прошлого, настоящего, существующего и несуществующего, металась в его разуме, как языки пламени в костре.

Вирд сидит на коленях у мамы. Она улыбается; у нее добрая улыбка, теплые руки, через плечо перекинута толстая темная коса. У висков волосы вьются, и похожие на пружинки локоны закрывают уши. В ушах длинные сережки с сияющими мягким светом синими камнями.

– Ты закончил? – нежно спрашивает мама у отца, склонившегося над рабочим столом. Он озабочен чем-то и хмурится. Улыбка покидает губы мамы, и складка пролегает меж ее бровей. Вирду не нравится это, он тянется, чтобы расправить складку.

Наконец отец, улыбаясь, встает и подходит к ним, и хмурое выражение исчезает с маминого лица.

Вирд счастлив.

Он победил эффа... Или это только приснилось ему. Он очень болен. Лихорадка ододела. Наверное, перегрелся на солнце, убегая. Наверное, все привиделось... Эфф, покоровшийся и не тронувший его. Ошейник, снятый с живого зверя... Все привиделось... Это из-за болезни. Сейчас тварь за ним придет. А он не сможет даже взглянуть на нее. Он так болен...

Все перемешалось. Вирд бредил. Образы мелькали с неистовой быстротой. Один сменялся другим. И Вирд уже не знал, где ложь, а где правда. Где прошлое, где настоящее, а где то, чего еще не было.

Теплая, пропитывающая все его существо любовь мамы и отца. Их лица, их привычные жесты. Комнаты его дома, где он провел детство.

Гнетущий страх, обиды и утраты в рабских бараках. Голоса и смех его друзей-рабов. И их крики боли... их плач. Голова Тшагаса в руках зрителя эффов. Исполосованная спинаOGO. Плачущая Михи. Истерзанный Марз. Мертвый Рулк...

Визг побежденного зверя. Торжество силы и осознание победы. Ошейник эффа в руках. Промелькнувшая в глазах чудовища благодарность.

Сияющий престол. Скипетр в руках Вирда. Он никогда раньше не слышал этого слова, но знал его значение и знал то, что этот синий прозрачный скипетр со светящимися, вырезанными на нем символами означает сосредоточение невиданной власти и силы.

Вирд посреди огромного зала. С потолком выше, чем Дерево Размышлений. Вокруг него стоят люди в длинных синих одеждах, перехваченных золотыми поясами. Это сильные мужчины и красивые женщины, не старые и не юные, в самом расцвете сил. Их глаза искрятся мудростью, на головах кожаные повязки с начертанными символами, такими же, как на скипетре, только разными у всех. Вирд понимает, что означает каждый символ, но не может осознать, запечатлеть в памяти.

Битва. Военские крики. Лязг доспехов и оружия. Свист стрел и арбалетных болтов. Треск молний. Яркие-яркие вспышки то тут, то там. Враги, прорывающиеся сквозь строй солдат. Враги-нелюди, огромные, с холодными жестокими глазами. Они упиваются убийством и смертью.

Его другOGO, повзрослевший, облаченный в доспехи, со шрамом на щеке и мечом в руке, такой же рыжий и улыбающийся во весь рот. Рядом с ним девушка, красивая и черно-волосая, как Мишель, только не она; девушка стреляет из лука и без промаха бьет прямо в глаз твари в переднем ряду.

Вирд поднимает руки к небу и что-то внутри расправляется, наполняет его: спокойствие, торжество, восторг, победа...

И темнота... Тело Вирда перестала бить дрожь, он расслабился и забылся во сне.

Куголь Аб

Куголь Аб, старший смотритель над эффами у к'Хаэля Оргона, стоял на площадке перед помостом, облаченный в свою служебную одежду, которую полагалось надевать в час, когда настигали беглеца: красная кожаная безрукавка, красная шелковая рубаша с широкими рукавами, черные мешковатые штаны, заправленные в высокие сапоги, на голове повязка из куска красной кожи и на шее черная кожаная полоска, в правой руке плеть, а в левой – лакомство для эффа: широкая чаша с кровью.

Куголь Аб знал, что его эфф уже близко. Его люди, младшие смотрители, видели возвращающегося с охоты зверя издали и тотчас подали условленный знак при помощи дыма. Этот обычай оповещения о возвращении эффа давал возможность старшему смотрителю как следует подготовиться к церемонии. И хозяин, не утруждая себя долгим ожиданием на помосте, оказывался в нужное время в нужном месте и в присутствии многочисленных зрителей-рабов принимал от эффа свежую голову беглеца.

Хотя Куголь Аб уже так давно был смотрителем эффов, изучившим привычки и поведение своих питомцев, что не нуждался в специальных сигналах, а лишь подстраховывался. Он и так знал, сколько времени потребуется его лучшему эффу Угалу для того, чтобы добыть голову безоружного мальчишки-беглеца.

Эфф полностью оправдал его ожидания и возвращается еще до темноты. К'Хаэль вышел на помост и уселся в специально приготовленное для него кресло в тот миг, когда фигура зверя замаячила вдалеке на дороге, просматривающейся с площадки для церемоний. Рабы здесь уже давно. Они стоят, понуро опустив головы. Они прекрасно знают, что увидят сейчас. Но они должны это видеть. Глупый мальчишка Рохо – думал, что его бегство что-то значит. Всегда находятся такие глупцы, как он, несмотря на церемонию «суда эффа» каждые три года; но это хорошо, это не дает потерять сноровку его эфтам.

Жаль только, что хозяин настоял, чтобы он послал лучшего своего эффа – Угала; Куголь Аб считал, что для поимки мальчишки – худого, полуголодного и измотанного, можно было использовать какого-нибудь молодого эффа, чтобы натаскать зверя. А Угал уже и так достаточно опытен. Но к'Хаэль Оргон очень зол на этого Рохо. Он пожелал голову мальчишки еще до заката. И он ее получит.

Когда Угал приблизился, холодок пробежал по спине Куголя Аба – на мгновение ему показалось, что зверь ничего не несет в зубах. Но только показалось, такого не могло быть. Если бы он послал молодого эффа, то маленькая вероятность его провала и существовала бы, но не с Угалом.

Солнце приблизилось к закату, однако было еще достаточно светло, и эфф был уже достаточно близко, чтобы можно было разглядеть – он действительно ничего не держит в зубах! Неужели он сожрал голову раба?! Нет... такого не случилось ни с одним эффом, даже с очень голодным, а Угал голодал только один день, и то не полный, пока не настиг мальчишку.

Куголь Аб сжал челюсти. Эфф подошел к помосту и сел, глядя на хозяина; он не положил перед ним голову, как полагалось. Оргон пронзил взглядом старшего смотрителя, и тот едва не потерял самообладание. Он приблизился к эффу, заглядывая в пасть – не прячет ли зверь трофей там?

Изумленный шепот волной прокатился в толпе рабов.

Куголь Аб склонился над Угалом и тут же отпрянул в ужасе – эфф был без ошейника!

Старший смотритель закричал охране, чтобы они вводили хозяина. Эфф без ошейника – то же, что стрела, нацеленная в голову господина. Ряды телохранителей сомкнулись, закрывая собой Оргона. Он поспешно встал с кресла и скрылся в доме. Тут же показался на балконе, откуда мог видеть и слышать все происходящее, но быть в безопасности от зверя.

Рабы заволновались еще больше, некоторые не выдержали и побежали назад, к баракам. Люди напряглись в ожидании, когда зверь войдет в неистовство и начнет убивать всех вокруг. Первым будет, конечно, Куголь Аб – если зверь не убьет его, то его ждет гораздо более мучительная и долгая смерть от рук палачей хозяина, за то, что не исполнил порученного дела и более того, подверг опасности своего к’Хаэля.

Куголь Аб не понимал. КАК? Как эфф оказался без ошейника живым? Это было еще более невероятно, чем если бы мальчишка убил эффа. И притом не какой-нибудь нечистокровный, или из негодного помета, или слишком молодой зверь, а Угал – проверенный, принесший не одну голову на службе у Оргона (два раза участвовал зверь в «суде эффа», а уж сколько беглых рабов, пытавшихся в глупой беспочвенной надежде или просто в отчаянии уйти от судьбы, он достиг за эти годы!)

Может, он стал слишком стар, его Угал? Но нет, ему только десять лет – середина жизни и расцвет сил для эффа. Он лично отследил родословную Угала, наблюдал за его рождением, выбирал его из всех щенков, тренировал. Как могло это надежное оружие дать сбой, как он мог подвести?! Куголь Аб прожил на свете пятьдесят лет, и с самого своего детства он занимался эффами: его дед был смотрителем, его отец был смотрителем, он стал старшим смотрителем в двадцать лет. И никогда Куголь Аб не слышал о подобном случае, не слышал ни от отца, ни от деда.

– Что это значит, Куголь Аб? – раздался с балкона гневный голос к’Хаэля Оргона.

Старший смотритель упал на колени рядом с эффом, ожидая, что зверь избавит его от необходимости подыскивать слова оправдания. Но Угал сидел смирно и не собирался его убивать.

Куголь Аб вздохнул и заговорил:

– О великий к’Хаэль Оргон! Я и мои предки служили твоему роду многие годы, служили верой и правдой. И этот самый эфф – Угал, бывший моим лучшим зверем и бывший до сих пор без промаха. Никогда я не слышал о том, чтобы эфф остался живым без ошейника. Даже смотритель не смеет снять ошейник со зверя, пока тот жив. Все это знает мой господин. Если бы на этом месте был не Угал, а другой эфф, я бы сам просил суда за свою ошибку у тебя, о великий к’Хаэль! Но здесь я не вижу другого объяснения произошедшему, как только вмешательство враждебных и могущественных сил. Сил, о которых я не знаю ничего и не могу знать. Разве способен мальчишка снять ошейник с ЖИВОГО эффа? Я слышал, что в древности были в Аре Мудрецы, которые и создали эффов, и эти Мудрецы могли совершить подобное... только они...

– Что ты хочешь этим сказать? – процедил Оргон сквозь зубы, заиграв желваками.

– О, мой господин, я лишь хочу сказать, что, возможно, у тебя, великий к’Хаэль, появились очень могущественные враги!

Повисла тишина. Оргон был не глуп, далеко не глуп. И про эффов он знал немало. Он задумался над словами Куголя Аба.

Глава 2

Бурон

Вирд

Вирд, свободный Вирд – не раб Рохо! – шел по пыльной тропе, ведущей к Бурону; эта тропа петляла, то приближаясь к небольшой обмельчавшей от жары речке Кай-Кэ, то уходила в глубь рощицы, росшей на берегах. Идти было легко и приятно, с речки ветерок доносил свежесть воды, а деревья давали густую тень.

После той странной болезни Вирд проснулся полностью отдохнувшим и свежим, так хорошо выспаться ему ни разу не удавалось в рабстве, он ложился слишком поздно, а вставал слишком рано. Голова соображала ясно, и на душе было спокойно. Только есть хотелось так, будто он не ел уже дня три, не меньше. А сколько на самом деле? Он помнил, что ужинал вечером перед побегом, убежал он ночью и бежал весь остаток ночи и первую половину дня, пока его не настиг эфф. Сколько он валялся в беспамятстве и сколько спал потом, Вирд не знал. Когда он открыл глаза, солнце тяжело выкатывалось из-за горизонта, и жара еще не успела раскалить землю.

Да, он должен был уже почувствовать голод, привычный для раба, только этот голод был сейчас намного сильнее, чем когда-либо, даже тогда, когда его посадили под замок без воды и пищи на трое суток за то, что воровал булочки у поварихи. Точнее, не он воровал, а Ого... Но Ого он не мог оставить одного отдуваться за проступок.

После пробуждения Вирд направился на восток, прямо к светящему в глаза солнцу. Он знал, что где-то там, на востоке, течет Кай-Кэ, он также знал, что если идти вдоль реки на юг, то рано или поздно придешь в Бурон – небольшой городок, столицу Северной провинции.

Вирд спустился к реке, сорвал несколько стеблей съедобного тростника и с наслаждением долго жевал его сладкую мякоть. Во рту стало приторно, но в животе уже не было так пусто. Здесь же он поймал несколько рыбешек при помощи рыболовных снастей, которые всегда таскал с собой. Эти снасти он иногда пускал в ход, оказавшись на берегу Кай-Кэ – там, позади, на севере, во владении к'Хаэля Оргона. Там река была намного шире, и рабам иногда позволялось купаться в ней и рыбачить. Хотя это было давно, еще в детстве; после того как ему исполнилось двенадцать, его с другими мужчинами отправили на работы на полях, располагавшихся далеко от реки. Нехитрые снасти – костяной крючок и длинную тонкую, но прочную нить, – изготовил для него и для Ого старик Рулк... это все, что осталось от старого раба...

Благодаря Рулку, Вирд умел обращаться с удочкой, и потому у него был обед. А вот огня Вирд развести не мог и сжевал рыбу сырой, лишь посолив немного. Соль также всегда была с ним, каждый раб получал в новую луну небольшой мешочек и носил притороченным на поясе. Рабы все ели с солью: лепешки, которые раздавали в обед, съедобные листья и стебли, которые находили во время работы на полях. Некоторые даже сладкую мякоть тростника подсаживали.

Уняв немного голод, Вирд направился вдоль реки к городу. Ошейник спрятал за пазухой. Он предъявит его прямо на воротах – и все узнают, что он свободный человек, он войдет в Бурон Вирдом, а не Рохо! Только план этот, казавшийся поначалу таким правильным и соблазнительным, тем больше тревожил Вирда, чем больше он о нем размышлял.

Действует ли закон в том случае, если эфф останется жив? Не может ли хозяин опять предъявить права на него из-за того, что эффа он не убил?

Вирд смутно осознавал, что Оргон не простит ему – Вирду, то, что он сделал. Не простит побег и снятый ошейник – ведь теперь вся округа будет потешаться над Оргоном из-за того, что его эффы никуда не годны. А этого Оргон уж точно не стерпит.

Вирд не раз слышал, как рабы и надсмотрщики говорили между собой о безупречных эффах хозяина. Его звери – лучшие во всей Аре, все чистопородные. И их смотрители тоже лучшие, бывшие смотрителями несколько поколений. Все ошейники для эффов Оргона изготавливались мастерами из столицы Ары по древней технологии, разработанной еще создателями эффов.

Юноша не знал точно, что произошло и как ошейник оказался в его руках. Как зверь покорился ему? Была ли то ошибка создателя ошейника, или какой-то недостаток в крови эффа, посланного за ним, или неверные действия смотрителей, натаскивающих зверя, или – самое невероятное – сила самого Вирда? Но он знал, что Оргон так просто не оставит этого случая, это дело чести для него.

Если учесть еще и то, что Оргон получает немалый доход от торговли эффами, и его эффы стоят дороже других именно благодаря их безупречной репутации, то у Вирда остается мало шансов просто так выбраться из этой передраги.

Но он ведь остался жив... А это главное.

Вирд приближался к городу. Он уже бывал здесь пару раз, тогда, когда лет в девять служил кухонным мальчиком и помогал дородной поварихе Каси, которая иногда вместе с другими рабами и свободными слугами ездила в город за покупками для пополнения запасов.

Кое-что Вирд помнил об этих поездках, и одно из воспоминаний – то, что раба, спешащего по делам к'Хаэля, в Буроне никто не проверял и не задерживал, достаточно было назвать свое имя и имя хозяина. Хозяевам не требовалась помощь стражи и властей, чтобы возвращать своих беглецов, для этого у них были эффы и страх перед теми. Эфф находил свою жертву не только в поле, но и в городе. Он мог войти в полное людей помещение и не тронуть никого, кроме раба, за которым послан.

Были случаи, когда эфф прогрызал дверь, за которой прятался беглец, делал подкоп в подвал, в котором пережидал раб, врвался в дом и поднимался по лестнице в самые верхние комнаты. Зверь чувствовал того, за кем послан, каким-то непостижимым образом, и след обреченного не мог затеряться даже в огромной толпе.

Вирд не будет показывать ошейник. Пока не будет... Разве что другого выхода не останется. Он должен раздобыть припасы, новую одежду и отправиться на север. Больше всего он хотел покинуть Ару. Вирд не знал, где родился и где был его дом. Он только чувствовал, что не в Аре. Эта проклятая страна не могла быть его родиной. Это была страна его рабства. Поэтому он уйдет.

Тропинка все больше и больше отклонялась от реки и вскоре выскочила на широкую, истоптанную множеством ног, изрытую колесами повозок и копытами лошадей дорогу. Это дорога сизой лентой вилась с северо-запада к северным воротам Бурана.

Вдалеке виднелись стены города. Сложенные из ровных желтых кирпичей, высокие и широкие, эти стены хорошо защищали Буран. Огромные дубовые ворота, укрепленные железом с внутренней стороны, были открыты, а кованая решетка поднята. Было уже достаточно поздно, и поток пришедших и приезжих истончился, превратившись в ручеек: одинокие повозки, несколько пеших путников.

Вирд успокоил лихорадочно забившееся сердце и уверенно направился к воротам города, стараясь не прижимать руку к груди, где был спрятан ошейник эффа – его право на свободу. Стражник равнодушно взглянул на него, определив по одежде и по босым ногам, что тот раб, и лениво спросил:

– Чей?

– К’Хаэля Оргона, – выдавил из себя Вирд опостылевшее слово – к’Хаэль – хозяин. Неразумно было называть имя Оргона, но имен других господ Вирд не знал, а назвать выдуманное не решался, ведь имена всех окрестных рабовладельцев страж должен был знать на память.

– Имя, – вяло потребовал стражник.

– Косо, – ответил Вирд без запинки, называть свою настоящую кличку, какую он носил у хозяина, он не стал, как и показывать ошейник; может быть, благодаря этой уловке его найдут не сразу...

– Проходи, – позволил стражник, внося имя раба и к’Хаэля в специальную книгу.

Вирд выглядел как раб в своей льняной грубой рубашке, подпоясанной конопляным шнуром, в укороченных широких штанах, босой, с растрепанными до плеч, неровно обреченными волосами. Он и вести себя должен как раб. Идти спокойно к рынку, как будто за покупками для хозяина.

Ноги шли сами, но куда именно? Юноша плохо помнил дорогу к рынку, а других частей города и вовсе не знал. План Вирда себя исчерпал. Когда он решился бежать, то не мог и предположить, что окажется в Буроне, да еще и не преследуемый эффом. Что делать, когда он доберется до рыночной площади? Что дальше?

До торговых рядов буронского рынка он все-таки добрел, следуя широкой главной улицей города, по которой размеренно текла толпа. И... так и остановился посреди площади. Зазывалы кричали вокруг, кто-то торговался, кто-то извергал непристойные ругательства, кто-то кашлял, какой-то ребенок плакал. Толпа гудела, как пчелиный рой. И суетилась, как муравьи в муравейнике. Вирд растерянно оглядывался по сторонам. Возле него оказался неряшливо одетый человек, прищуренно разглядывая его и сально улыбаясь, его глаза шарили по Вирду, по его одежде, и юноша понял, что человек определяет, где у него спрятан хозяйский кошелек. Вирд заставил себя не потянуться к ошейнику – единственному своему сокровищу.

– Я могу тебе помочь, – неприятным голосом прогнусавил человек, – я тут все знаю.

Если сказать, что ему нужно кое-что купить, то этот тип убедится, что у Вирда есть деньги, и ни за что не отстанет. Не отстанет и если Вирд скажет, что его помощь не нужна.

– Помогите, – ответил юноша, глядя прямо на мошенника. – Мне нужно передать послание. Только денег у меня нет совсем...

Человек еще раз оглядел его, словно решая, что он сможет получить с раба-простака и его послания, а затем исчез, растворившись в толпе.

Парень протискивался меж потных от жары и тесноты людских тел и оглядывался вокруг. Желудок его, который, как думал Вирд, он успокоил рыбой и тростником, свело от аппетитных запахов жарившегося на вертелах мяса, свежего хлеба и пирогов, ароматных персиков и дынь. Сейчас хотя б маленькую лепешку... Жареные утки. Густой, стекающий по сотам мед. Огромная виноградная гроздь, с ягодами почти с детский кулачок. Сыры, разложенные на прилавке, множество, множество сортов. Яства, названия которых он и не знал, приправленные одурманивающе пахнущими травами.

Вирд зажмурился и потряс головой. Он резко развернулся и пошел в сторону, противоположную раскинувшимся прилавкам со съестным. Куда-нибудь подальше... Хоть к тканям, хоть к сбруе, хоть к оружию, но только подальше от еды. Запахи гнались за ним следом, хватали и сводили судорогой его неистово бурчавший живот. А Вирд убегал, как от эффа, от этих аппетитных ароматов.

В толпе все толкались, толкался и он, не глядя, кто перед ним: свободные ли, рабы или благородные. Он как пробка из бутылки вылетел на площадь, не такую людную, как та, что осталась позади, и едва не наскочил на богато одетую женщину, в последний момент остановленный ее телохранителями. Расширившимися глазами Вирд рассматривал благо-

родную, которую едва не сбил с ног: невысокая, пышногрудая, красивая, с густыми, завитыми в локоны золотистыми волосами, уложенными в замысловатую прическу, в зеленом шелковом платье, расшитом жемчугом; на шее золотое ожерелье с желтыми сверкающими камнями, на руках такой же работы браслеты и длинные серьги в ушах. Карие подведенные глаза женщины с длинными ресницами хищно рассматривали Вирда, скользили по его лицу, плечам, ногам.

Вирд опомнился и склонился в поклоне. Это была благородная. А таким он должен был кланяться, независимо от того, раб он еще или уже нет.

– Славный мальчик, – заговорила женщина глубоким томным голосом, и хотя Вирд не видел ее лица, он знал, что она улыбается. – Ты раб? Чей?

– Оргона... – прошептал Вирд, не успев прикинуть, правильно ли он сделал, назвав настоящее имя своего бывшего хозяина.

– А-а-а... – протянула женщина задумчиво. – Этого старого надутого павлина, кичащегося своими эффами... Не уверена в эффах – мои лучше, однако рабы у него славные. Такие крепкие и красивые. Пожалуй, я куплю тебя. Ну-ка, подними голову, хочу получше рассмотреть твое лицо, действительно ли оно такое смазливое, как мне показалось поначалу. Да... Я точно куплю тебя. Как тебя зовут? – спросила госпожа, вглядываясь в лицо Вирда, и тот еще раздумывал, что ответить, когда услышал громкий знакомый голос:

– Рохо! Как ты здесь оказался?!

Взгляд Вирда метнулся в сторону говорившего: высокий рыжеволосый парень проталкивался сквозь строй телохранителей госпожи и нагло приближался к нему, не обращая внимания на благородную. Это был Ого: он стал, казалось, еще более высоким, раздался в плечах, он был одет намного, намного лучше, чем Вирд: в черную, кажется, шелковую, расшитую желтыми нитями длинную тунику и свободные желтые шаровары. Вирд не видел друга уже больше года, и от прежнего Ого остались только огненно-рыжая шевелюра и улыбка на все лицо. На щеке друга красовался шрам, такой же, как он видел в бреду, и осознание этого еще больше сбilo Вирда с толку.

«Что он здесь делает?» – проскользнула мысль. Вирд вытаращил глаза, ожидая, что охранники благородной все разом воткнут свои короткие мечи в тело наглого раба. Но они не шелохнулись.

Приблизившись, Ого посмотрел на госпожу, и та, улыбнувшись и проведя нежно рукой по его волосам, спросила:

– Ты знаешь его, Лисенок?

– Это же мой друг – Рохо! – засмеялся Ого, нимало не смущаясь. – К'Хаиль, – на древнеарайском это означало «хозяйка», – позволь, я поговорю с ним и подскажу пару способов оказаться на рынке, чтобы ты могла его купить.

Госпожа откинула голову назад, отчего сережки на ее ушах забряцали, издавая приятный глухой звук, и звонко рассмеялась.

Ого взял Вирда под руку и собрался было уходить, когда хозяйка окликнула его. Вирд и Ого разом обернулись. Что-то сверкнуло в белой ручке госпожи, и небольшая монетка, поблескивая на солнце, полетела к Ого, который ловко подхватил ее и спрятал.

– Покорми своего друга как следует, он симпатичный, но очень уж тощий, – сказала она, все еще посмеиваясь. – Пусть узнает, что у меня рабам живется лучше, чем у Оргона.

В ответ Ого поклонился, и Вирд, бросив косой взгляд на друга, тоже склонил голову и согнул спину.

– Пойдем! – воскликнул, почти закричал Ого, не расставаясь с широкой улыбкой, и треснул Вирда по спине со всей своей молодецкой силы. – Я сейчас расскажу тебе, что со мной приключилось! Если бы это происходило не со мной, я бы сам ни за что не поверил, что так может быть!

Вирд усмехнулся: он мог сказать то же самое.

Друг тут же повернулся и решительно принялся протискиваться сквозь толпу, Вирд едва поспевал за ним, приклеившись взглядом к рыжей, заметной издали в скоплении народа и возвышающейся над всеми другими голове Ого.

Они пробрались сквозь людные ряды торговцев, сквозь широкую главную площадь, свернули в узкий переулок, и наконец Ого отворил едва заметную ссохшуюся дверь и протиснулся в какое-то помещение. Вирд нырнул в комнату за ним.

Зал был заполнен людьми, весьма разношерстными: молодыми и старыми, со светлыми и темными волосами и кожей, трезвыми и пьяными. Одеты все они тоже были по-разному: кто-то так, как сам Вирд, кое-кто получше, но благородными, судя по всему, здесь и не пахло. Деревянные тяжелые столы, такие же табуреты, низкий потолок, маленькие окошки без стекол, густой запах хмельного и съестного, ругань, шум, пение... Вирд впервые был в подобном заведении, он растерянно оглядывался вокруг, в то время как его друг, чувствовавший, по-видимому, здесь себя как дома, плюхнулся на свободный табурет у дальнего стола в углу и указал на табурет рядом с собой Вирду.

– Простой люд, – прокомментировал он, проследив за взглядом Вирда, изучающего зал. – Большинство, конечно, свободные, но богатых здесь нет.

Ого шумно выдохнул и тут же пустил в ход монетку хозяйки, махнув подавальщице. И принялся тараторить на свой обычный манер;

– Слушай! Какая удача, что ты здесь оказался! Я гляжу – кто-то чуть не повалил к'Хаиль Фенэ, прямо на площади. – Он лукаво подмигнул Вирду, а тот тупо уставился в появившуюся перед ним, как по волшебству, кружку с пенным желтоватым напитком. – А это ты – собственной персоной! Да еще и самой к'Хаиль понравился! Вот уж удача! Как это Оргон послал тебя в город? Понимаю, что времени у тебя не так много, но ничего, поесть успеешь! Уж я-то знаю, как у Оргона кормят! Да и не страшно: если удержишься, не пошлет же он за тобой эффа! – Ого хихикнул.

«Уже послал», – мысленно ответил ему Вирд.

– А если к'Хаэль и рассердится, то это к лучшему – может, продаст тебя, а я уж уговорю Фенэ тебя купить. Заживем тогда!

Так же, словно по волшебству, появились перед Вирдом миска, полная тушеного с овощами мяса, ароматный пирог с не известной ему пока, но, судя по запаху, безумно вкусной начинкой, кусок свежее испеченного белого хлеба, зажаренный целиком цыпленок. Вирд судорожно сглотнул, вцепился в кружку с пенным напитком и, пригубив, скривился от горечи.

– Это с непривычки, – заметил Ого. – Ты такого раньше не пил. Я уж знаю. Но ничего – попробуешь. Хоть и горьковатое, зато жажду утоляет славно! А я думаю, как он там? А он сам ко мне пожаловал!

– А ты как? – успел вставить Вирд, поглощая мясо вперемешку с белым хлебным мякишем.

– Как к'Хаэль, Рохо! – Вирд сжался от этого рабского имени, но сейчас было не место и не время поправлять друга. – Да у меня словно «неделя в раю», только длится эта неделя уже целый год! С тех пор как к'Хаиль Фенэ меня купила. Моя хозяйка – это что-то! – Он продолжал тараторить и улыбаться, лишь время от времени прихлебывая тот горьковатый напиток из своей деревянной кружки. – Меня лишь беспокоило, как ты там и как там моя золотая мамочка. Я счастливый человек! И знаешь, Рохо, кого я люблю больше всех, кроме, конечно, золотой моей мамочки?

Вирд пожал плечами, разгрызая нежное куриное крылышко вместе с костью:

– К'Хаиль?

Ого громко засмеялся, он всегда был, как огонь в его волосах, быстрым, шумным, несдержанным.

– Нет, Рохо! Не угадал. Фенэ у меня на четвертом месте, после тебя!... Это Михель!

Вирд поперхнулся пирогом и закашлялся.

– Да, да! – продолжил Ого. – Она сделала для меня больше, чем кто-либо другой, кроме разве что моей золотой мамочки. Вот если бы она меня полюбила – и что? Этот жирный ревнивый ублюдок, Оргон-младший, прирезал бы меня где-нибудь в поле и тело бросил на растерзание падальщикам. А так – меня продали! Ты понимаешь? ПРОДАЛИ! И я в раю – у к'Хаиль Фенэ! Я ем все, что хочу, сплю на перьевых перинах, и каждую ночь... – Он закашлялся. – И она ничего, очень даже ничего! Ты уж мне поверь!

– А шрам? Откуда? – бросил Вирд, пережевывая очередной кусок пирога и заедая его куском куриной грудки. Он уже чувствовал себя захмелевшим, не от пенного горького напитка, к которому почти не притронулся, – от сытости.

– Это? – Ого громко заржал. – Ты что, думаешь, это от хозяйки? Да это подарок жирного борова – Оргона-младшего! Тогда, когда я висел на столбе и орал благим матом от того, что Михель сдабривала мне солью свежие раны. Этот, сожри его эфф, ублюдок подошел ко мне спереди и располосовал мне щеки своим мечом – видно, научили его такому приему, фехтовальщика проклятого! Он такую мне рану оставил, что через нее зубы можно было увидеть – прямо второй рот! И когда он собственноручно плеснул соленые остатки из кружки в рану – тогда я не орал – я визжал, как резаная свинья! Это было больно!.. – Ого помрачнел на мгновение и тут же вновь расцвел широкой улыбкой. – Он тогда сказал, что благодаря этому «подарочку» ни одна рабыня, даже самая отвратительная, на меня не посмотрит: таким, мол, я стану уродом. Только он не учел, что у меня кровь кутийца, а на кутийце раны заживают в десять раз быстрее и лучше, чем на любом арайце. Если бы такая рана была на его жирной щеке – тогда точно любая бы побрезговала его целовать, да и без раны – та еще харя, сожри его эфф! Два месяца меня никто не хотел покупать – боялись, что рана загноится и я подохну! И к'Хаэль Оргон ходил злой, как эфф без ошейника, на своего жирного сыночка. Уж я надеюсь, что он тогда всыпал тому как следует по жирному задку. А через два месяца у меня остался только шрам. Да и тот мне идет. Фенэ говорит, что купила меня благодаря ему, с этим шрамом у меня лицо не смазливое юнца, а воина из Куты! – Глаза друга лихорадочно горели, Вирд мельком взглянул на него и заметил, что действительно, шрам его совсем не портил и придавал мужественности и серьезности его озорной лисьей физиономии.

– Да! Я счастливеец! У меня только три мечты осталось. Представляешь? Только три! Остальные – исполнились! Я хочу, – он демонстративно загнул один палец, перечисляя свои желания, – чтобы ты оттуда выбрался и жил как я. И эта мечта уже почти исполнилась! Еще я хочу, – второй палец согнулся, – высвободить мою золотую мамочку!

Вирд одобритительно кивнул, глядя на остатки пирога. Он слушал вполуха, все его внимание было сосредоточено на недоеденном куске: он смотрел на еду с упреком, понимая, что больше не сможет проглотить ни крошки, но и оставить съестное не мог. Он глядел на поджаристую корочку, силой воли заставляя себя доест.

– И третья! – продолжал Ого, согнув наконец третий палец. – Пустить кровь Оргону-младшему! Увидеть, как он хнычет и просит пощады!.. – Ого замолчал на миг, представляя, видимо, себе, как измывается над толстым сыном к'Хаэля Оргона, и снова продолжил: – Три мечты! А я ведь так хотел послать маме весточку, что со мной все хорошо, и ты – посланник судьбы – ты тут как тут.

подавальщица принесла что-то плоское и округлое, замотанное в льняную ткань, и Ого, приняв у нее сверток, протянул Вирду.

– Вот! Возьми!

– Что это? – икнул Вирд.

– Пирог с персиками. – Вирд судорожно сглотнул: какое лакомство... но он ведь уже не сможет съесть ни кусочка, ни крошечки... Он замотал было головой, но Ого продолжал говорить, не обращая на него внимания: – Моя золотая мамочка так любит пирог с персиками, она не пробовала его с юности. Передай ей, пожалуйста, – в глазах друга заблестели слезы, – отдай, чтобы никто не видел, и скажи, что у меня все хорошо и что я ее обязательно вытащу оттуда. Не знаю как, но вытащу рано или поздно.

Вирд машинально принял сверток из рук друга и опомнился только тогда, когда прижатый к его груди горячий еще пирог стал жечь его кожу через ткань рубахи.

– Я не могу. Прости. Я туда не вернусь, – твердо сказал Вирд и положил сверток на стол перед собой.

– Что? – Ого выпучил глаза, все еще кособоко улыбаясь одной стороной рта.

– Я убежал, – тихо сказал Вирд.

Ого перестал улыбаться, поставил резко с грохотом кружку на стол и расплескал пенный напиток.

– Ты что? За тобой же пошлют эффа... – прошептал он, склонившись к Вирду.

– Уже послали, – холодно и тихо ответил Вирд.

– Рохо! Да как же? Он же...

– Он уже не придет, – продолжил Вирд; он огляделся вокруг – не смотрит ли кто в их сторону – и, потянувшись за пазуху, показал Ого краешек ошейника.

– Что это? – сощурился Ого.

– Ошейник, – тихо, одними губами, произнес Вирд.

Ого мгновенно вскочил на ноги, его деревянный табурет со страшным грохотом, перебившим все остальные звуки таверны, упал и ударился об пол. Ого стоял посеревший, обомлевший, и все вокруг затихли и смотрели на него. Вирд съежился, он не знал, что сейчас будет.

Наконец Ого сообразил, что привлек всеобщее внимание, и во весь голос крикнул:

– Эй! Хозяин! Настоящего вина нам! Мой друг надумал жениться! – Люди расслабились и вновь зашумели.

– Это чтобы не пялились, – пояснил он тихо, медленно присаживаясь на место.

Ого молчал все то время, пока хорошенькая девушка-подавальщица подносила им две деревянные чаши, наполненные ароматным и красным, как кровь, напитком.

Вирд потянулся к чаше и пригубил вино: терпкий, кисловатый вкус. По крайней мере, лучше, чем то пенное пойло... вполне приятная штука.

Молчание Ого говорило о том, как он удивлен и озадачен. Его лицо без улыбки и со шрамом действительно походило на лицо сурового кутийского воина. Наконец рыжеволосый парень выдал из себя вопрос, он спрашивал, чеканя каждое слово, тихо, его мог слышать один только Вирд:

– ТЫ УБИЛ ЭФФА?

– Нет! – быстро ответил он. – Я только снял ош... – он запнулся, решив, что лучше не употреблять слов «ошейник» и «эфф» здесь, – эту штуку.

– КАК? – Глаза Ого чуть не вылезли из орбит. – С живого?!

– Я не знаю как... Он прыгнул, но не смог меня достать... А я только вытянул руку... Я ему приказал, и он послушался... лег... И я снял... ЭТО... с него... А потом отпустил... его... Мне просто очень повезло...

– Ты свободен? – вновь спросил Ого. – Ты предъявил права?

– Нет пока...

– Почему?

– Я боюсь, понимаешь. Я ведь не убил его.

– Ну и что, главное – что ош... ЭТО – у тебя! – Ого наклонился к другу, и в его глазах проснулся азарт. – Ты СВОБОДЕН! И не важно, КАК ЭТО у тебя оказалось!

– Вероятно, Оргон и не сможет уже предъявить Права на меня. Но я его опозорил, понимаешь? Он мне этого не простит. Я убежал! И я снял... эту штуку... со зверя... и отпустил. Пойми, Ого! Он ВСЕ сделает, чтобы меня уничтожить. Меня просто тихо прирежут в переулке, и никто и не вспомнит, был ли я. И историю мою все позабудут. А где тот мальчишка, где его доказательства? Оргон ведь не просто лишился раба, он лишился чести, понимаешь? У него ведь лучшие... твари! Были лучшими. А тут я – мол, снял... как с котенка... и отпустил... даже не убил – отпустил... И не важно, что мне просто повезло...

– Может, ты и прав, Рохо... Ты всегда разбирался в этих хозяйских штучках слишком хорошо для раба. По крайней мере, лучше, чем я. Что ж теперь делать? Вот ведь влипли мы...

– Я не хочу тебя впутывать, Ого. Тебе сейчас хорошо. И я не хочу портить твою жизнь.

– Не говори ерунду. Ты то же, что я. Мы с тобой как братья! Мы с тобой столько пережили! Да и неужели я упустил возможность прославиться, как лучший друг того, кто снял, – он перешел на шепот, – ОШЕЙНИК с ЖИВОГО ЭФФА?! – И привычная улыбка вновь озарила его веснушчатое лицо.

Вирд невольно тоже улыбнулся.

– Что собираешься делать, Рохо? – Ого, по-видимому, уже полностью пришел в себя.

– Не знаю... Только, пожалуйста, не называй меня так больше.

– Как? – Ого вновь удивился, глаза его широко распахнулись.

– Рохо. Я вспомнил, как меня зовут на самом деле, – я Вирд!

– Ты вспомнил детство?

– Нет. Только имя. Вирд.

– Вирд... – посмаковал Ого и расплылся в улыбке. – Ладно! Мне, например, никогда не хотелось сменить имя, моя золотая мамочка назвала меня Лисом по-кутийски, и это мое любимое имя! А ты как знаешь, может, Вирд тебе идет даже больше... Да, точно – Рохо тебе не подходит. – И он вновь, как при встрече, хлопнул крупной ладонью со всей силы по плечу Вирда.

– Может, рассказать обо всем к'Хаиль Фенэ? Она недолюбливает Оргона. А ты ей понравился. Она наверняка поможет.

– Нет, – покачал головой Вирд, – я теперь свободный. Фенэ, может, и сумеет помочь, только что она захочет взамен? Какую плату?

– Да не так уж и неприятна эта плата, – усмехнулся Ого.

– Ты полностью принадлежишь ей, Ого, весь. И то, что она требует от тебя – часть этого. И от меня она захочет, чтобы я – принадлежал ей! А я больше не хочу быть рабом, даже у такой к'Хаиль, как Фенэ. Не хочу, понимаешь?

– Да, понимаю, – посерьезнел Ого. – Я бы тоже не хотел... на твоём месте. Только не всем, сожри меня эфф, удача сама идет в руки. Я уже говорил, что ты очень ловко соображаешь во всех этих хозяйских штучках? Ты наверняка из благородных! Ну да ладно. Что ты надумал делать дальше?

– Мне нужно раздобыть припасы и другую одежду. – Вирд одернул подол льняной латаной рубахи.

– В этом я могу помочь, – кивнул Ого.

– А потом я пойду на север прочь из Ары. Да и к'Хаиль твою нужно от меня отвлечь. А то она начнет спрашивать обо мне у Оргона и наведет его на мой след.

– Да это будет несложно! – тут же откликнулся Ого, махнув рукой. – Фенэ на днях собирается отправиться в путешествие вместе со своей закадычной подругой Кох-То. Так что ей будет не до покупок на рабском рынке и не до торгов с Оргоном. Собираются поглядеть на Город Семи Огней. Они днями напролет обсуждают свое путешествие, про этот город уже

все уши прожужжали. Собрали целый караван: наверное, все наряды с собой прихватят... Охранники, рабы, слуги, даже парочка эффов, туда с ними столько народу пойдет...

Лицо Ого озарила идея. Наверное, та же самая, которая пришла в голову Вирду, пока друг его говорил, и Ого тут же озвучил ее:

– Слушай! А ведь если ты затеряешься среди слуг, то легко сможешь покинуть и город и Ару. Да и мы с тобой будем вместе, хотя бы какое-то время. Только на глаза Фенэ нельзя тебе попадаться, она никогда не забывает смазливых лиц...

Вирд улыбался. Это действительно хороший выход для него. Затеряться среди многочисленных слуг, выехать на север, увидеть Город Семи Огней. А там Оргон его никогда не найдет, никогда.

Фенэ Хай-Лид ди Курсан

Фенэ проснулась еще до рассвета. Ей всегда нравилось вставать рано, хотя эта ее привычка и служила поводом к насмешкам среди других благородных. Еще бы: владелица обширных земель на юге Ары, единственная дочь покойного Предводителя войск Южной провинции, наследница древнего рода Хай-Лид, вдова командующего Курсана, одна из восьми хозяев-заводчиков эффов (и далеко не последняя из них), госпожа трех тысяч, четырех сотен и еще нескольких десятков рабов – а вскакивает поутру, как какая-нибудь прислуга.

Но Фенэ не обращала на это внимания: на то она и госпожа, чтобы распорядиться не только другими, но и собой.

Фенэ встала и потянулась; две рабыни, Кара и Гоа, которые пришли в комнату за несколько минут до пробуждения к'Хаиль, поднесли ей фарфоровую ванночку для умывания с теплой надушенной водой.

Кара мягкой влажной губкой протерла лицо и тело госпожи, Гоа насухо вытерла ее полотенцем и надела шелковый халат.

Фенэ с нежностью оглянулась на спавшего на животе, зарывшегося в перьевую подушку рыжей головой Ого, скользнула взглядом по его красивым плечам, загорелым рукам. Ого разделял ее любовь к утру, но просыпался всегда немного позже. Это давало Фенэ время на то, чтобы умыться, сделать прическу, напудрить и наrumянить лицо и подвести глаза. Она уже не юная, чтобы выглядеть хорошенькой в любое время, не прибегая к маленьким женским хитростям.

Конечно, она не должна была стараться выглядеть хорошо для какого-то раба, но раб или не раб, а все-таки он – мужчина, а она все-таки – женщина. И любой женщине нравится, когда ее любят не по принуждению.

Этот мальчик был одним из лучших. Нет, не из-за красоты – из-за своей наивности. Из-за того, что не был избалован, и в его глазах читалась искренняя благодарность за простые вещи: хорошую еду, мягкую постель, нежное слово. Жизнь его была, а Фенэ баловала. И ей нравился этот его наивный взгляд голубых как летнее небо больших глаз.

Фенэ присела на пуфик к зеркалу, и Кара принялась расчесывать ее длинные, до бедер и густые золотые волосы – пока что без седины.

Утром Фенэ чувствовала необычайный прилив сил, бодрость и свежесть. С первыми лучами солнца приходили всегда самые лучшие мысли. В предрассветной тишине можно было принимать самые трудные решения.

Фенэ унаследовала это от отца – военного человека. Она многое унаследовала от него: острый ум и способность просчитывать свои шаги, осторожность и при этом любовь к риску, решительность и терпеливость. Если бы Фенэ родилась мальчиком, она была бы командующим не хуже покойного мужа, который так же, как и ее отец, сложил голову в очередной военной кампании императора.

Император ведет бесконечные войны вот уже четверть века. Его отец – великий Гостак, сделал Ару настоящей империей, присоединив к ней плодородные земли Бойдо на юге, Хаю у берега Горного моря, горную Чифру на севере с ее золотыми приисками. Эти страны влились в империю почти без крови и стали еще более сытыми и богатыми. Победы же нового императора были не такими чистыми: да, он завоевал больше – кровавой победой взял Куту, родину ее рыжего мальчишки, затем Макас, присоединил к Западной провинции (Носу, как называли эту провинцию за форму на карте) Микай, отвоевал земли Северного Утариса, добрался до острова Коготь в Горном море и вот сейчас взялся за Доржену, лежащую на берегу Горного моря и граничащую с самой Тарией. Только от всех этих приобретений было больше проблем, чем пользы. Неугомонные кутийцы время от времени восставали. Утарис только и думал, как отвоевать назад свой клочок земли (ничем не примечательной, кстати). Остров Коготь – тот вообще был бесплодной скалой посреди моря, и разве что суровый народ Така мог выживать там. А уж Доржена – это худшее из всего. Да, конечно, Доржена богата лесами с редкими породами деревьев, и у нее самые удобные в Горном море порты, где корабли не рискуют разбиться об острые рифы, приближаясь к берегу. И золото водится в ее горах, не говоря уже о бескрайних полях пшеницы, но Доржена – это ведь та же Тария. Глупо было посягать на то, на что великая Тария и Город Семи Огней (ее столица) положили глаз.

Мать Фенэ сказала бы, что не ее ума дело – императорские победы и не годится женщине рассуждать о мужских решениях. Но Создатель наделил Фенэ умом не хуже мужского, и она предпочитала им пользоваться. А если бы не пользовалась, что давно бы потеряла все, что имела, а так – не только сберегла, но и приумножила.

Война истощила Ару, она словно жадный стервятник, отхвативший слишком большой кусок, который не может ни проглотить, ни унести. Провинции плохо управляемы, особенно во вновь приобретенных землях. Рабы стали непокорны. Те, кто родился в старой Аре, еще боятся хозяев, а новые – из Куты, Макаса и Микая – так это бедствие, а не рабы. На них только эффов тренировать – никакой страх их не останавливает от побега. Кох-То по своей глупости купила два десятка таких рабов здесь, на севере, и ей пришлось пользоваться услугами эффа Фенэ. Эфф исправно принес ей поочередно головы девяти, которые попытались убежать, из двадцати приобретенных, а оставшиеся, скорее всего, тоже попытаются через пару недель; одни потери и никакой пользы.

Да... Ара обречена. Она еще продержалась бы сотню-другую лет, если бы не позарилась на лакомый кусок – земли Доржены. Тария этого так не оставит. Фенэ поняла это, как только услышала от своих друзей при дворе о скором начале кампании, которая еще держалась в тайне.

Фенэ не хотела все потерять. Она ехала в Город Семи Огней не за тем, чтобы полюбоваться на его чудеса: Кружевной мост и Дворец Огней ночью, парад звезд и ледяное озеро. Нет. Вот Кох-То – она именно за этим и ехала, но не Фенэ. Фенэ нужно найти новый дом. То место, где она будет в безопасности доживать свои дни. Ей придется измениться, приспособиться к другим обычаям, отказаться от рабов, ведь в Тарии не было рабства. Но там были слуги, и кто-то говорил ей, что слуги – это те же рабы, только за раба ты платишь один раз, а за слугу – каждую луну, и не его хозяину, а ему самому.

Фенэ была богата, а богатым хорошо живется везде. Она уже продала большую часть своих земель в Южной провинции и треть рабов вместе с землями. Золото нужно переправить в Тарию, а затем вернуться и продать все остальное. Жаль только, что закон не позволяет продавать за раз больше пяти эффов. Ее двадцать три взрослых зверя и семь щенков нужно как-то пристроить. Но эффы слишком доходны, чтобы вот так просто бросить их в Аре. Она будет торговать ими до тех пор, пока сможет, даже после того, как поселится в

Тарии. А может быть, эфхам найдется применение в Городе Семи Огней. Хотя императорский указ и запрещает торговать эфхами с другими странами под страхом смерти.

Может, Фенэ и ошибается, может, Аре ничего не грозит, может, император-завоеватель только расширит и усилит страну, но ее сердце чувствует неладное, и ей придется рискнуть. «Без риска нет победы – говорил ее отец, – а если и есть, то она не такая сладкая». Все-таки Фенэ нужно было родиться женщиной и заниматься войной.

Других отпрысков у рода Хай-Лид не было, и род этот прерывался. Когда-то в молодости Фенэ и ее муж мечтали, что у них родится мальчик – наследник двух древних воинских родов, и станет не меньше чем Предводителем войск при самом императоре. Но Фенэ оказалась бесплодной. Муж ее погиб, и даже сына от рабыни у него не осталось.

Конечно, нет худа без добра, и то, что Фенэ бесплодна, давало ей некоторые преимущества хотя бы в том, чтобы без оглядки на последствия утешаться молодыми рабами вроде Ого.

Хотя... Кох-То, такую же вдову, как и Фенэ, которая, напротив, плодовита была как кошка, последствия никогда не останавливали. У нее двое или трое детей от рабов. Да и законных трое считаются от ее мужа только потому, что он при их рождении был жив. Кох-То всегда была несдержанна, и говорили, что таких голубых глаз, как у младшей законной ее дочери, не было ни у мужа Кох-То, ни у нее самой, да и ни у кого из родни. Ее дети уже выросли – старший сын служил где-то при императоре, а две дочери давно замужем.

А если бы у Фенэ был сын, он был бы сейчас такого же возраста, как Ого, такой же сильный и красивый, без рыжих, конечно, волос... И с умом острым, как у Фенэ... По щеке покатила предательская слезинка. Она взглянула в зеркало на Кару и Гоа у себя за спиной: Кара ничего не замечала, спокойно продолжая укладывать ее волосы в прическу, обвивая длинные локоны золотыми цепочками, а Гоа таращила на ее щеку, по которой прокатилась та слезинка. Гоа она продаст, а Кару оставит при себе служанкой. Хотя, может, нужно сделать наоборот? Гоа более человечна...

Как это – жить без рабов? Как поведут себя те, кого она освободит и оставит при себе? Останется ли с ней Ого? Изменится ли он? Появятся ли алчность, хитрость и лживость в его голубых глазах? «Страх – благородство рабов», – говорил ее отец. Раб без страха – подлец и лжец. А у слуг нет такого страха. Слуга не боится, что за ним пошлют эффа. Слуга не знает, что это такое, когда зверь идет по твоему следу.

Фенэ вздохнула. Слишком мрачные мысли для утра, еще и для такого утра. Сегодня ее караван отправляется в Тарию. Кох-То, которая не знает истинной причины путешествия Фенэ, наверное, еще спит. Но слуги и повозки уже готовы, уже собраны у Северных ворот и ожидают двух благородных.

Прическа Фенэ была закончена, щеки стали гладкими от пудры, глаза казались больше и выразительнее. Служанки облекли ее в шелка и драгоценности. И Фенэ с удовлетворением заметила, что Ого проснулся и, как большой кот, потягивается на перине.

Куголь Аб

Куголь Аб был помилован. Помилован к'Хаэлем, но не своей совестью. Для него – старшего смотрителя эффов – честь дороже, чем жизнь.

К'Хаэль Оргон оставил ему жизнь, чтобы Куголь Аб мог расследовать это дело. Если же расследование не раскроет тайны или докажет, что виновен он – старший смотритель эффов, то Куголю нет смысла жить дальше. Его жизнь – это безупречное имя.

Куголь Аб провел много бессонных ночей с того вечера, как вернулся опозоривший его эфф. Он напряженно думал, вспоминал все подробности жизни Угала, искал, нет ли его, смотрителя, ошибки хоть в чем-нибудь. И не находил.

Он всегда следовал строгой инструкции в воспитании и отборе эффов; инструкции, которую составили еще их создатели в далекие древние времена. И он ни разу ее не нарушил, ни одного слова, ни одной запятой. Он все делал правильно, как учил его отец, а отца – его дед.

Эффы к'Хаэля Оргона всегда считались самыми лучшими по многим оценкам. И стоили очень дорого. Стоимость эффов хозяина увеличивало и безупречное имя самого Куголя Аба, который был потомственным смотрителем, лучшим. А у лучшего всегда есть враги – так говорил его отец.

Именно это и беспокоило Куголя Аба. В Аре было лишь восемь семей – заводчиков эффов. Лишь им принадлежало право разводить и продавать животных, а также оказывать услуги по поимке рабов тем благородным, которые не имели собственных эффов.

Восемь семей и восемь цветов ошейников. Эффы были грозным оружием, и император не мог допустить, чтобы их использовали не по назначению. Велся строгий учет проданных и купленных животных. Ошейник надевался при рождении зверя, и купленный у к'Хаэля Оргона эфф заносился в специальную книгу и навсегда оставался в красном ошейнике – цвета рода Холо (рода к'Хаэля Оргона).

Зеленый – был цветом рода Хай-Лид из Южной провинции, могущественной некогда семьи, владеющей множеством эффов и соперничающей уже несколько десятков лет с эффами рода Холо. Но Хай-Лид вырождался. К'Хаиль Фенэ, возглавившая его, не имела детей, а после ее смерти все эффы в зеленых ошейниках перейдут в собственность императора, как гласил закон.

Синий, сиреневый, серый и белый цвета – не были такими уж конкурентами для Холо, у каждого из заводчиков – не больше дюжины зверей.

Оставались черный и коричневый. Эффы в черных ошейниках уже как два поколения находились в руках императора после казни главы рода Бир. Звери в коричневых – цвета рода Май-Ко, к'Хаэля Алада – наступали на пятки, по всем качествам догоняя эффов Холо. Но у Май-Ко никогда не было потомственных смотрителей, что отпугивало покупателей, и переманить-перекупить смотрителей у других родов им не удавалось, как они ни старались.

Куголь Аб был уверен, что именно один из этих родов пытался дискредитировать эффов к'Хаэля Оргона. Беглый раб – мальчишка Рохо – не мог остановить зверя, он лишь инструмент в умелых руках. Очень скоро он доберется до города, вероятнее всего, это будет Бурон, и предъявит ошейник. А неизвестные «доброжелатели» к'Хаэля Оргона помогут ему разнести весть о снятом с живого эффа ошейнике очень далеко и очень быстро.

Они будут много говорить и много спорить в высших кругах о том, действительны ли Права раба с ошейником, снятым с живого эффа. Может, даже устроят судилище над ним. Обсмакуют событие со всех сторон, и когда не останется ни одного свободного или раба в Аре, который не услышал бы, что эффы рода Холо – с изъясном, признают, что раб получил свою свободу не из-за собственных достижений, а по причине непригодности зверя. И торжественно передадут сбежавшего раба в руки к'Хаэля Оргона, как доказательство его позора.

«Не нужно быть пророком, чтобы предсказывать, – говорил его отец, – достаточно уметь размышлять. Но по-настоящему мудрый человек не только предвидит события, но и позволит произойти только тем, которые ему выгодны».

Так всегда и поступал Куголь Аб, во славу своего господина. И сейчас он уже предпринял действия, чтобы враг не смог реализовать свой хитрый план.

Куголь Аб послал в Бурон и другие близлежащие города и поселения лучших помощников, хорошо знающих этого Рохо в лицо, с приказом найти и доставить его обратно. Хорошо бы, конечно, перехватить его живого, чтобы допросить о тех, кто помог ему. Но если это не удастся, то лучше прервать никчемную жизнь этого мальчишки, который и так уже

однажды обхитрил собственную смерть. Он не должен ничего рассказать. Чем скорее его найдут, тем лучше для хозяина. Возможно, дело это и останется без нежелательных последствий.

Но это только одна сторона монеты. Одна часть тайны. Вторая – как этим злодеям удалось снять ошейник с живого эффа? Да, они могли быть многочисленными и могущественными, обладать многими ресурсами, могли подкупить нужных людей. Но даже он, Куголь Аб, смотритель в пятом поколении, не знал способа, который позволял бы снять ошейник с живого эффа. Да еще сделать так, чтобы эфф остался смиренным, как щенок пса-дворняги.

Куголь Аб слышал о случаях, когда по глупости или в приступе безумия смотрители снимали ошейники с эффов. Это всегда оканчивалось многими смертями. И прежде чем такого зверя убивали, а другим способом утихомирить его уже было нельзя, погибали десятки сильных мужчин. Один эфф, истыканный дюжиной стрел, с копьём в спине, прорвался в хозяйский дом и убил всех рабов и всю семью благородных, прежде чем издох. Об этом событии Куголь Аб не только слышал – он был там через день после произошедшего: был, чтобы убедиться и научиться.

Тайна... Очень великую тайну ему предстояло раскрыть. Ему следовало бы показать Угала Мудрецам в Чатане, но он опасался, что не без помощи этих самых Мудрецов и было провернута такое необычное дело. Только они знали секреты, не доступные никому больше; только они... Крамольные и недостойные арайца мысли... Да не проклянет его Создатель за них, пока он не раскроет тайну.

Глава 3

Место в караване

Вирд

Безлюдными (было еще слишком рано) улицами Вирд приближался к Северным воротам Бурона, и вскоре перед ним открылась широкая площадь, заполненная людьми, повозками и лошадьми, готовящимися к отбытию. Яркие желтые платки и пояса мелькали тут и там в лучах восходящего солнца.

– Тебе нужно держаться подальше от Фенэ, – напутствовал его Ого накануне, когда они шли узкими переулками нижнего Бурона. Ого в черной с желтым безрукавке, подпоясанной зеленым поясом, высокий и широкоплечий, с яркими рыжими волосами, и Вирд, тоже в новой одежде, добытой другом: черная длинная туника – в ней будет жарковато, но зато никто не примет его за раба (рабы из сельских районов Ары носили светлую одежду из грубого колючего льна), да и ничей родовой цвет он не оскорбит (цвета для благородных значили больше, чем Вирд за пару дней успел разобраться во всем этом), серые просторные штаны, стянутые на щиколотках, повязка на голове от жары и добротные кожаные ботинки на ногах. Они страшно давили, терли и тянули давно отвыкшие от обуви ноги к земле, но Вирд ни за что бы их не снял – он уже не босой раб. За спиной – заплечный мешок, наполненный до отказа, тоже благодаря стараниям Ого. В мешке были припасы на долгий переход, и хоть Ого и надеялся, что Вирду удастся затесаться между наемными слугами госпожи Кох-То и тем обеспечить себе пропитание на все время путешествия, запасы лучше иметь свои собственные, на всякий случай. Кроме провианта в мешке была теплая куртка, подбитые ватой штаны и одеяло. Вирд поначалу считал это лишним грузом, но ставший за год более просвещенным Ого уверил его, что в горах очень холодно, и все мало-мальски разумные люди берут с собой теплые вещи. За пазухой – ошейник эффа.

– Кох-То и Фенэ хоть и едут вместе, – продолжал свои наставления Ого, – но повозки и слуги их будут держаться отдельно. У Фенэ рабы носят зеленые пояса, а вольнонаемные – зеленые платки: кто на шее, кто на голове, а кто на руку повязывает, главное правило – чтобы платок было видно издали. У госпожи Кох-То пояса и платки желтые. Люди Кох-То будут собираться ближе к Литейной улице, где посудные лавки на площади перед Северными воротами. Тебе нужно будет пристать к ним.

– Легко сказать «пристать»... – пробурчал Вирд; он очень волновался, у него в очередной раз не было никакого плана, он действовал наудачу, и это злило его и пугало – везти ведь не может столько раз подряд: странный случай с эффом, встреча с Ого, да и то, что у Ого оказалось гораздо больше возможностей, чем у любого раба... – Как к ним пристать?

– Скажи, что ты умеешь лечить лошадей, такие всегда пригодятся в дороге, – расплылся в обычной своей улыбке друг.

Вирд фыркнул:

– Но я не умею лечить лошадей!

– Как? – протянул рыжий. – Ты – Повелитель эффов – и не умеешь лечить лошадей?

Вирд стиснул зубы, шутка не казалась ему смешной.

– Тогда скажи, – как ни в чем не бывало продолжал Ого, – что ты умеешь лечить эффов.

Вирд остановился и едва сдержался, чтобы не треснуть по рыжей башке друга.

– Сейчас я *тебя* вылечу от излишнего веселья! – зашипел он, но затем сам невольно улыбнулся – так всегда с Ого... Кутиец!

Вирд поправил заплечный мешок, который хоть и весил немало, все же не казался привыкшему таскать камни с полей Вирду тяжелым. Он остановился, разглядывая площадь и суетящихся на ней людей. Здесь строения уже не жались так близко друг к другу. У высокого серого здания, кажется, трактира, Вирд заметил широкий выступ и, взобравшись на него, убедился, что отсюда ему прекрасно видно отходящий караван. Вирд уселся, свесив ноги, и стал думать, как быть дальше.

Вначале он хотел наняться носильщиком, но прикинув количество крепких, здоровых рабов, чьи руки, ноги, спины, да и другие части тела были в полном распоряжении госпожи Кох-То, понял, что вряд ли ей понадобится брать с собой еще одного, худосочного на первый взгляд мальчишку для того, чтобы перетаскивать тяжести.

В охранники он тоже не годился... Достаточно один раз взглянуть на группу вооруженных молодцев с каменными лицами, что стоят ближе к воротам, обливаясь потом, в кожаных клепаных кирасах, наручах и шлемах с назатыльниками, для защиты бычьих шей. Среди них трое высоченных чернокожих воинов с длинными, в их рост, луками – утарийские лучники.

Старик Рулк, который не всю свою жизнь провел рабом на господских полях, а успел объехать полмира и многое повидать, говаривал, что если бы император собрал вместе пять сотен утарийских лучников и двенадцать сотен кутийцев, то всех остальных солдат армии можно разогнать, потому что такая армия была бы непобедима. Вирд, тогда еще Рохо, не брался судить, правда это или нет. Ему далеко не то что до утарийца, даже до простого наемника... Вот Ого со своим шрамом и раздавшимися вширь за последний год плечами – он запросто сошел бы за охранника каравана.

Вирд вздохнул: уже четверть часа пролетела, скоро караван отправится, а у него ни одной стоящей идеи в голове...

Разглядывая рабов и слуг, которые переговаривались друг с другом, кричащих ослов и фыркающих лошадей, он невольно наткнулся взглядом на заметную в толпе фигуру, появившуюся среди бурлящей людской массы. Стройный человек, невысокий, с длинными, странного пепельного цвета волосами, выглядывающими из-под очень широкополой шляпы, стоял, озираясь. На его спине висел мешок в два раза больше, чем у самого Вирда, по бокам слева и справа, и даже спереди свисали разные непонятной формы сумки и котомки: он был обвешан поклажей, как вьючная лошадь. А если бы не эти тюки, его можно было бы принять за благородного по походке и манере держаться.

Незнакомец спросил что-то у ближайшего к нему раба: тот, склонившись в поклоне, односложно отвечал на его вопросы. Затем человек направился к группе охранников, и те, видно узнав его или определив, кто он такой, возбужденно залопотали; он что-то спрашивал и у них тоже, и они громко отвечали ему, маша руками и показывая то и дело в сторону центра Бурона. Наконец голоса и хохот охранников стихли, незнакомец повернулся и направился прямо к Вирду. А юноша перепуганно таранился на незнакомца, пока тот шел, пока неторопливо усаживался на выступ рядом с ним, и только тогда сообразил, что незнакомец шел не к нему, просто это место, где сидит Вирд, самое лучшее для спокойного обзора отходящего каравана, за что и сам он его выбрал.

Юноша хорошо рассмотрел человека и теперь отвернулся, обдумывая то, что увидел. Он был светлокож: на фоне смуглых и загорелых южан – свободных и рабов, Вирд и сам отличался белой кожей, но успел давно загореть на хозяйских полях. На незнакомце была туника из блестящей ткани с яркими рисунками. То тут, то там из-под очередной сумки выглядывали искусно изображенные сидящие на витых ветвях птицы с желтыми, красными, синими и зелеными перьями, причудливой формы хохолками и хвостами.

Тюки и сумки не казались тяжелыми, просто неудобными. Он не слишком юн, но и стареть еще не начал. У него были черные, казавшиеся еще более темными из-за бледной

кожи и светлых волос большие глаза с чуть приподнятыми вверх внешними уголками, ровно очерченный нос, острый подбородок, узкие кисти рук и длинные пальцы.

Незнакомец снял шляпу и принялся обмахиваться ею, как веером – в городе уже становилось жарко. Он посидел молча рядом с Вирдом пару минут, а затем произнес, будто бы ни к кому и не обращаясь:

– В этом диком городе трудно быть самому по себе.

Вирд сморгнул: ничего о том, что Бурон – дикий город, он не знал, но что трудно быть самому по себе – с этим был согласен.

Человек обернулся к нему и, протягивая правую руку, сказал:

– Гани Наэль!

Вирд, недоумевая, уставился на протянутую руку, в нем сражались противоречия: он совершенно не знал, как нужно себя вести, и при этом понимал, что нельзя вести себя как обычно, как рабу.

Человек, заметив смущение Вирда, рассмеялся приятным тихим смехом:

– Я – Гани Наэль. В Аре так не принято знакомиться... Это тарийский обычай. Просто пожми мою руку и скажи, как зовут тебя.

– Вирд, – быстро ответил он, словно отбивая удар, и судорожно сжал протянутую ладонь незнакомца.

– Этот караван идет в Город Семи Огней, – протянул Гани Наэль, – на мою родину.

– Ты оттуда, господин? – спросил Вирд.

Гани Наэль бросил быстрый оценивающий взгляд на него, что-то прикидывая для себя.

– Ты ведь свободный?

– Да! – На этот раз юноша ответил еще быстрее.

– Кто хозяин этих людей? – Гани Наэль кивнул в сторону повозок.

– Не хозяин, а хозяйка – к'Хаиль Кох-То.

– Значит, те громилы, – он показал на охранников, и один из них – одноглазый, но, видно, все равно очень уж глазастый – помахал ему рукой, – не соврали мне?

– Нет, не соврали, – ответил Вирд и тут же добавил: – Я могу понести ваши мешки и сумки.

Гани Наэль ухмыльнулся:

– Мешки можешь, а вот сумки с инструментами я тебе не доверю. И не обижайся, я их никому не доверяю. А почему это ты вдруг вызываешься нести что-то для меня?

– Но ты же пойдешь с караваном? – Вирд засомневался, не слишком ли поспешно он предложил службу незнакомцу. Мог ли тот быть посланником Оргона?

– Надеюсь, что пойду... – тихо сказал он. – Ты ведь говоришь, хозяйка? А еще не одна женщина не отвергла моих услуг, особенно здесь, на юге.

Вирд непонимающе тарашился на него, а Наэль, который все примечал, оскалился и продолжил:

– Музыка, парень! Все дамы любят музыку и песни.

Воцарилось молчание, затянувшееся на несколько долгих минут.

– Ты музыкант! – наконец понял Вирд, сложив в голове нелегкую для бывшего раба, который очень-очень мало знал о мире, головоломку. Вирд был сообразительным, и многие вещи понимал лучше и быстрее окружающих, но здесь, в Буроне, он словно слепой щенок, который вообще не знает, что происходит вокруг. Чтобы прийти хоть к каким-нибудь выводам, ему приходилось вытаскивать из памяти любые зацепки: разговоры рабынь на кухне хозяина, истории Рулка, обрывки болтовни Ого, увиденное и услышанное на улицах и в тавернах за прошедшие четыре дня, а больше у него ничего не было.

– А ты сообразительный парень! – насмеялся Гани Наэль, видно, приняв его за полного дурачка.

Многие хозяева обучали игре на инструментах рабов, которые всегда были под рукой. Но раб не споет новой песни и не сыграет новомодной мелодии, пришедшей откуда-то из-за гор. Поэтому музыканта – настоящего свободного музыканта, да еще и урожденного Тарии – благородные рады были видеть в своих домах.

Вирд знал, что женщинам нравится музыка. Тогда, когда они с Ого сочинили песню для Михель, Ого пел, а Вирд (еще Рохо) музицировал на небольшой свирели, которую вырезал для него тот же старик Рулк, а мама Ого научила играть.

– Я могу играть только на свирели, – просто так сказал Вирд, но, видно, заинтересовал собеседника.

Правая бровь Гани, темная, несмотря на пепельную шевелюру, недоверчиво поползла вверх.

Он принялся рыться в одной из своих сумок и вскоре извлек на свет длинную, сверкающую серебром и похожую по форме на деревянную свирель Вирда трубочку.

– Ну-ка... – Гани Наэль протянул ее юноше.

На свирели Вирд играл неплохо, он хорошо запоминал мелодии, да и сам сочинял частенько. Но этот инструмент был мало ему знаком. Он сосредоточился, зажмурился и поднес штуку к губам, нащупывая отверстия пальцами. И, на удивление и самого Вирда и его нового знакомца, извлек из трубочки чудесные звуки музыки, той самой песни, которую они сочинили для Михель. Вирд играл с упоением, казалось, что его усталость, тревоги и опасения вылетают с воздухом и звуками музыки через эту трубочку, растворяясь под утренними лучами южного солнца. Он увлекся, он забылся, он потерялся в высоких мелодичных звуках...

Когда мелодия закончилась и Вирд открыл глаза, все вокруг тарасились на него, а Гани Наэль громко хлопал ладонями друг о друга и хитро улыбался.

– Пожалуй, ты можешь понести мои мешки, – сказал он.

Вирд не ответил, он весь сжался под многочисленными взглядами. Кто-то из этих людей мог узнать его. Здесь мог оказаться человек Оргона. Его могла увидеть к'Хаиль Фенэ. Страхи и тревоги мигом вернулись. Но, видимо, ему опять повезло: Вирд нашел свое место в караване.

К'Хаиль Кох-То появилась час спустя в высоком паланкине, который несли шестеро рабов. Госпожа ослепляла – высокая дородная черноволосая и черноглазая смуглая женщина с пышным бюстом и еще более пышными бедрами, в роскошных одеждах из расшитой золотой нитью голубой блестящей ткани, с причудливым головным убором в виде обвивающей голову кобры, с широким золотым ожерельем, тут и там поблескивающим красными и желтыми камнями. Она была похожа не просто на благородную даму – на кого-то выше, могущественнее; Вирд почувствовал себя ничтожеством рядом с этой женщиной из другого мира, в котором он – бывший раб – был чужаком. Кох-То неспешно покинула паланкин и направилась к крытой повозке из красного дерева, украшенной вычурной резьбой. Ткань балдахина была ярко-желтой, и красная кобра, венчающая голову к'Хаиль, смотрелась на этом фоне, словно воплощение арайского знамени.

Гордо поднятая голова чуть повернулась, когда взгляд госпожи зацепился за склонившегося в вежливом (но не раболепном) поклоне музыканта. Кох-То поняла, что этот человек чем-то выделяется из толпы, и остановилась.

Гани Наэль выпрямился и улыбнулся. Он стоял наготове с изящной работы музыкальным орудием в руках, неизвестным Вирду. Гани провел длинными пальцами по струнам, извлекая чарующие звуки, и одновременно заговорил:

– К'Хаиль Кох-То! Не позволите ли вы, о прекрасная, сопровождать вас в этом путешествии? Может быть, мне, скромному музыканту, удастся скрасить ваши долгие жаркие дни

в Диких землях и длинные холодные вечера в горах Сиодар. Или, может, мне, недостойному уроженцу южной Тарии, удастся развлечь вас беседой об обычаях моей страны, куда вы держите путь. Я могу усладить ваш слух игрой на лютне, арфе и флейте, пением и рассказами, я знаю сотни сказаний, рожденных еще до возвышения Хребта Дракона, еще до того, как разлилось Горное море. Знаю я и новые легенды: о водопаде Дев, который мы сможем лицезреть, преодолев перевал Майет, о Диких землях и о рощах Ухта, что между двух озер, и о самом Городе Семи Огней я знаю немало историй, которые могут пленить ваш слух. – Мягкий бархатистый голос Гани Наэля завораживал, и хотя он только говорил под музыку, его речь была похожа на пение. – А если я опостылею вам, то мой ученик, – он небрежно кивнул в сторону Вирда, – сможет сыграть для вас на свирели простую и незамысловатую сельскую мелодию.

Кох-То поджала губы, разглядывая Вирда, но затем улыбнулась Наэлю и взмахнула холеной, унизированной перстнями рукой.

– Я буду рада слушать твои истории и игру, музыкант. Можешь остаться. Я повелю накрывать стол и для тебя во время каждой моей трапезы. Как твое имя?

– Я Мастер Музыкант Гани Наэль! – гордо ответил тот. – А это Вирд – мой ученик.

Кох-То еще раз внимательно, но уже не так презрительно воззрилась на Вирда, и тот почувствовал себя почти так же, как когда его догнал эфф.

– Он, как я вижу, тоже уроженец Тарии, – сделала безапелляционный вывод госпожа, основываясь на только ей известных соображениях.

Гани Наэль только кивнул, продолжая играть. А Кох-То неспешно пошла-поплыла дальше к своей повозке, где двое крепких мускулистых рабов помогли ей, шурша шелками, подняться и усесться на багряных подушках под балдахином.

К'Хаиль Кох-То распорядилась, чтобы для ее нового музыканта и его ученика освободили повозку, и пятеро приближенных к хозяйке холеных рабынь, рассчитывавших, по-видимому, с комфортом провести это путешествие, быстро собрали свои пожитки (довольно многочисленные для невольниц) и рассеялись меж лагерного люда, ища для себя нового места.

Повозка была крытой, не очень большой, но для двоих места более чем достаточно, по краям друг против друга прибиты широкие лавки-сиденья, скрытые под коврами и подушками. Легкий ветерок, прогуливающийся под балдахином при движении, делал жару не такой уж невыносимой.

Музыкант, судя по всему, на меньшее и не рассчитывал, а для Вирда ехать в такой повозке – неслыханная роскошь, он ведь думал, что придется идти весь путь до Города Семи Огней пешком.

Гани Наэль бросил свой мешок на днище повозки, аккуратно снял тюки с инструментами и сложил их под лавкой, только одну холщовую сумку, висевшую у него через плечо, снимать не стал. Он развалился на сиденье, подложив под голову несколько небольших подушек, и пристроил длинные ноги на бортике повозки.

Вирд же сел на самый краешек лавки, отодвинув в сторону красивую красную подушечку – боялся испортить ее своей пятой точкой, и застыл как изваяние, даже не снимая с плеча мешок.

Он так и сидел, пока они выезжали из Бурона, пока тряслись по извилистому Северному тракту и, даже подпрыгивая на кочках и ямах, умудрялся, приземлившись, принять ту же застывшую позу, чем вызывал недоуменные взгляды Наэля. Но тот ничего не сказал, лишь поднял правую бровь и хмыкнул несколько раз, затем закрыл глаза и, видимо, задремал, положив руку на холщовую сумку, с которой не расставался.

Вирд сидел и обдумывал произошедшее. Он был напряжен и испуган, но расслабиться не мог. Он не знал, повезло ли ему на этот раз или наоборот. Да, он получил место в караване, пропитание на время всего пути, ему не нужно было бить ноги о дорожные камни... Но не слишком ли много внимания он привлек к себе? Столько людей смотрели на него, когда он играл на той штуке, которую Гани Наэль назвал потом флейтой, когда он стоял возле музыканта, разговаривающего с госпожой Кох-То, когда они с Наэлем устраивались в повозке, следующей сразу за повозкой госпожи?..

Наэль назвал его учеником и представил госпоже Кох-То, а та наверняка захочет похвастаться музыкантами из Тарии перед госпожой Фенэ. Что будет, если к'Хаиль Фенэ узнает его? Что, если к'Хаиль Кох-То узнает, что он не уроженец Тарии, а сбежавший арайский раб? Что, если ему придется играть перед ними на флейте? Что, если к'Хаиль Кох-То будет смотреть на него так, как к'Хаиль Фенэ на рынке?

Вирд почувствовал прилив крови к щекам и потряс головой. Нет, он не должен думать такое о благородной...

Ого сказал бы, что он слишком много беспокоится. Да Вирд и сам это понимал, только не мог расслабиться. События – необъяснимые, бурные, неожиданные – затягивали его в свой неистовый водоворот, и Вирд изо всех сил барахтался в этой воронке, потому что не привык полагаться на удачу.

Его сердце бешено колотилось, а разум строил различные предположения, одно страшнее другого. Он думал о Куголе Абе, который ищет его в городе и идет по следу, как эфф. Он думал о госпоже Фенэ, которая сразу же узнает его лицо, едва увидев. Он думал о многочисленных шпионах Оргона, кто-то из которых мог затесаться между слугами в караване и выслеживать его. Думал о к'Хаиль Кох-То, которая разъярится, словно горная кошка, едва узнает, что он никакой не тариец. Думал о том, что его могут убить ночью подосланные убийцы, могут казнить за ложь благородным, могут просто оставить умирать в Диких землях, не позволив следовать за караваном, могут бросить замерзнуть в горах, но самое страшное – могут вернуть в рабство.

Вирд измотал и истоцил себя этими мыслями, в висках стучала кровь, уши горели, ладони покрылись холодным потом, тело занемело от напряженной позы. Ему хотелось вскочить и закричать во все горло, но он не мог...

Гани Наэль

Гани Наэль задремал под мерный перестук колес. Кох-То, несомненно, очень скоро пригласит его в свою повозку и потребует ее развлекать – знал он ненасытную жажду этих к'Хаиль к песням и историям, поэтому должен хорошенько отдохнуть. Он, как солдат, привык использовать каждый удобный случай и каждую свободную минуту для сна и восстановления сил.

Он возвращался домой... Когда год назад Гани решил отправиться в Ару, то очень надеялся, что ему будет сопутствовать удача. Но такого успеха он не ожидал. Ара – золотое дно для подобных ему. Здесь у Наэля было огромное преимущество, которое отсутствует для него в Тарии – он чужеземец для арайцев, житель далекой и могучей державы, интересной, полной новостей и модных веяний. Здесь каждый благородный дом с радостью и гордостью принимал у себя тарийского музыканта; более того – настоящего Мастера Музыканта из знаменитого Пятилистника, играющего на пяти разных инструментах и знающего сотни и сотни сказаний в стихах и в прозе.

Гани объехал почти всю Восточную и Центральную провинции, посетил столицу Ары – Чатан. Побывал в двенадцати благородных домах. И заработал очень неплохо. Золото и драгоценные камни исправно перекачевывали из сокровищниц богатых рабовладельцев в его холщовую сумку, которая сейчас давила ему бок и грела душу. И ни одной монеты он

не потратил на еду или питье, на крышу над головой или переезд из одного места в другое. Арайцы были более чем гостеприимны. Особенно арайки...

Империя вела бесконечную войну, их мужчины – главы великих домов, постоянно отсутствовали дома в связи с этим обстоятельством. А благородные хозяйки – вдовы или просто скучающие женщины, заботились о Гани лучше, чем его родная мама.

Он ел так, что весь этот год боялся растолстеть, хотя тут на юге худосочный мужчина или недостаточно пышная женщина никак не могли называться красивыми – и дамы из всех сил пытались его откормить, чтобы он привлекал взоры и сердца не только прелестным голосом и чарующей музыкой, но и фигурой.

Он спал на лучших перинах. И пил лучшее южное вино. Единственная настоящая трудность, с которой ему пришлось столкнуться в Аре, – это отъезд из очередного принявшего его благородного дома. Каждый раз хозяйки пускались на всяческие ухищрения, чтобы его задержать, устраивали истерики, соблазняли посулами награды, и не только посулами... золотом, и не только золотом... ласковыми словами, и не только словами... Одна даже обещала подарить ему две сотни рабов, если он останется, а другая возжелала выйти за него замуж.

Гани Наэль собрал свой первый и весьма обильный урожай в Аре. Теперь он возвращается домой. Конечно, глупо было бы не отправиться на юг в следующем году и вновь не улучшить свое благосостояние. Так он, дай-то Мастер Судеб, соберет достаточную сумму, чтобы купить земли даже в окрестностях Города Семи Огней.

А может, действительно, жениться на какой-нибудь арайской вдове и навсегда забыть, что такое заботы? Быть окруженным рабами и рабынями, исполняющими любую твою прихоть... Но нет, никакой тариец не сможет навсегда забыть свой дом. В Тарии говорят, что Семь Огней приманят уехавшего тарийца обратно, как мотылька – свет. Даже песня такая есть... И сейчас, по-видимому, время ее петь.

Наэль открыл глаза и окинул удивленным взглядом сидевшего напротив в той же напряженной неподвижной позе юношу.

«Вирд – так, кажется, его зовут?» Стройный, высокий, с приятным лицом, правильными чертами лица. Темные волосы, зеленые глаза, слишком уж пытливые и пронзительные. Гибкий, как кошка, и довольно выносливый, судя по тому, как сохраняет одну и ту же позу уже пару часов кряду. Не лишен таланта, что доказал, взяв в руки флейту, которую увидел первый раз в жизни. Вначале он показался Гани дурачком – не понимал очевидных вещей, постоянно дергался и перепуганно тарачился, но потом Наэль засомневался – такого серьезного задумчивого взгляда у дурака быть не может.

Парень что-то скрывает или пришел в Ару из какой-нибудь другой страны и не знаком со здешними порядками, вот и шарахается.

Нельзя пока допускать его к госпоже Кох-То, еще натворит каких-нибудь глупостей... Она приняла его за тарийца, и в самом деле, этот Вирд похож на уроженца центральной Тарии больше, чем сам Гани – междуморец с примечательной внешностью. Но тарийских обычаев он не знает, да и акцент у него южный. А если Кох-То взбредет в голову расспрашивать парня о Городе Огней и он ничего не сможет ответить, стыдно будет ему – Гани. Ну ничего, он привык справляться сам. А из парня действительно может выйти неплохой ученик... если он не превратился, конечно, в изваяние за то время, что сидит не двигаясь! Нужно что-то с этим делать.

– Эй, Вирд! – окликнул он юношу.

Тот резко повернулся и посмотрел на Гани так, что его прошиб пот.

– Вирд, – успокаивающе продолжил Наэль, – сними мешок и приляг. А я посторожу, – насмешливо добавил он.

– Да, господин Гани Наэль, – ответил Вирд, послушно снимая мешок и запихивая его под лавку.

– Называй меня Мастер, ты ведь мой ученик.

– Да, Мастер, – вновь сдержанно ответил юноша.

Вирд

Было раннее утро пятого дня с начала их путешествия. Караван достиг границ Ары. За безлесными холмами начинались Дикие земли – пустые каменистые безводные просторы предгорья. Чуть дальше на юго-западе сбегала с гор бурная река Лао, которая извинаясь лентой с запада на восток пересекала Дикие земли, всю Ару и впадала в Горное море. Это Вирду рассказал Мастер Гани Наэль, показывая развернутый пергамент, на котором ломаными линиями были обозначены границы стран, выпирающими треугольниками – горы, заштрихованными полями – моря, изображением маленьких деревьев – леса, чернильными лентами – реки и жирными точками – города. Наэль называл это картой. И Вирд, как зачарованный, готов был часами глазеть на нее, словно он – огромная птица, рассматривающая землю сверху из-под самых облаков. На карте можно было одновременно увидеть и Тарию, и Ару, и Утарис, и Горное море, и даже всю гряду Сиодар... Великая Тария казалась огромным зверем с открытой пастью, с горами вместо зубов, поглощающим Ару, Доржену и Горное море. Мастер Гани сказал, что такими картами пользуются все путешественники, и он не исключение.

Дикие земли, как поведал Вирду тот же Мастер Музыкант, и как раньше слышал юноша от старика Рулка, не были заселены, но здесь, особенно на пути к перевалу Майет, промышляли разбойники. Император время от времени посылал войска для того, чтобы с такими разбойниками разделаться. Их уничтожали, но спустя какое-то время они вновь появлялись, как мухи, слетающиеся к гнилому мясу.

В этот сезон Дикие земли считались безопасными, так как специальные отряды императора прошли здесь со своей очищающей миссией только месяц назад. Но несмотря даже на это обстоятельство, которое не могло не радовать, путешествие по Диким землям все равно было не из приятных: страшная жара, каменистая почва, отсутствие воды, голодные свирепые львы и медведи.

Неудивительно, что к'Хаиль Кох-То и к'Хаиль Фенэ решили отдохнуть один день на границе Ары у небольшого, бьющего из-под земли веселым потоком родника Ми – обычная стоянка всех путешествующих этим путем в Тарию и обратно. В день этот следовало возносить молитвы Создателю и просить для себя удачной дороги.

Едва забрезжил рассвет, Вирд покинул место, где спал, растянувшись на добытом Ого одеяле и подложив свой мешок под голову, и побрел в дальнему концу лагеря.

Здесь было безлюдно, первые рабы только начали просыпаться, чтобы приготовить завтрак. Огромное красное солнце всходило над оставшейся позади Арой.

Вирд присел на большой камень – один из многих, что вросли тут и там в землю, создавая непривычный унылый пейзаж, и расчехлил флейту. Мастер Гани Наэль требовал, чтобы его ученик упражнялся с флейтой ежедневно, разучивая мелодии, которые сам Гани ему показал. За пять дней Вирд выучил уже три песенки, незамысловатые и веселые. Он запомнил мелодию, лишь однажды услышав ее, но к флейте еще не привык достаточно для того, чтобы извлекать только безупречные звуки, – отличия от хорошо знакомой деревянной свирели все же имелись. Особенно трудно было играть на ходу, подпрыгивая в повозке. Он частенько выходил и, убедившись, что экипаж госпожи Фенэ где-то далеко и она его не увидит, шел пешком, наигрывая показанные Мастером мелодии, чем очень радовал пеших или ехавших в повозках рядом рабов и слуг.

Мастер Гани Наэль все больше времени проводил с госпожой Кох-То и присоединившейся к ней госпожой Фенэ. Теперь обе к'Хаиль ехали вместе – так им было веселей, а следующие за хозяйками рабы и повозки с припасами чередовались: один день впереди ехала группа с желтыми поясами и платками, другой – ближе к благородным оказывались зеленые, а желтые замыкали шествие.

На стоянке по какому-то, видимо, давнему уговору, люди к'Хаиль Фенэ располагались с западной части, а к'Хаиль Кох-То – с восточной: обширные просторы пока что позволяли. Для самих же благородных ставили их роскошные шатры в центре лагеря. Вирд с Наэлем ночевали около повозки. Музыкант, нимало не стесняясь, использовал многочисленные ковры и подушки, любезно предоставленные ему Кох-То, чтобы спать со всеми удобствами, а Вирд довольствовался одним одеялом – для него и это роскошь...

Днем Наэль ехал в господском экипаже, и оттуда доносились звуки музыки и смех – видно, ему не составляло труда играть и петь, несмотря на тряску. Вечером он переходил в один из шатров, и вновь слышалось пение, игра на лютне или флейте, одобрительные женские возгласы.

Вирда он с собой не брал, чему тот был несказанно рад. Но возвращаясь поздно ночью к своей повозке, Гани Наэль строго спрашивал, что его ученик делал целый день, и требовал исполнить для него мелодии, которые тот выучил. Затем Наэль поправлял ошибки Вирда, ставил в правильную позицию его непослушные пальцы и давал задание на следующий день. Все утро Мастер Музыкант обычно сладко спал, просыпаясь лишь чтобы позавтракать, а ближе к обеду отправлялся к дамам. Вирд же использовал утро для репетиций. В это время его не трясло, ему не нужно было играть на ходу и зрителей-слушателей, к которым он так и не привык до сих пор, было очень мало.

Все пять дней путешествия были похожи один на другой, словно близнецы, но не этот... сегодня не будет тряски, целый день Вирду предстоит слоняться в одиночестве по лагерю, избегая Фенэ, которая может его узнать. Эта задержка тревожила его – ведь кто скажет, не напал ли уже Оргон на его след? Скорей бы покинуть Ару!

Вирд закрыл глаза, вспоминая, в какую позицию нужно ставить пальцы – Мастер очень злился, когда Вирд делал это неправильно, хотя разницы ученик так и не понял. Юноша поднес флейту к губам и заиграл: вначале мелодию, которую должен был выучить по требованию Гани Наэля, затем другую и третью, тоже из показанных Мастером. Потом припомнил пару песен, которые услышал из шатра дам, случайно оказавшись достаточно близко.

Когда Вирд играл, на душе его становилось легче, хотя мелодии Мастера Наэля, при всем к нему уважении, не давали той радости и покоя, как его собственные мелодии. Сейчас было время, когда Вирд мог поиграть просто для себя, как тогда, когда забывал обо всем на свете, музицируя на деревянной свирели, под Деревом Размышлений.

Мелодия, странная, но прекрасная, та, которую он никогда раньше не слышал, полилась из его инструмента невидимым кружевом. Опасения, волнения и страхи сразу же сделали шаг назад, отступая, убегая от этих звуков. Вирду было хорошо, так хорошо, как будто он ел после долгого изматывающего голода, пил, измучившись жаждой, окунался в прохладную воду в конце тяжелого жаркого дня, как будто бежал с ветром по зеленому цветущему полю и летел в облаках с птицами.

Когда он услышал рядом голоса к'Хаиль Фенэ и Ого, почему-то оказавшихся здесь в такую рань и подошедших к нему незаметно, то не перестал играть и даже не вздрогнул, хотя его тревоги мигом запульсировали где-то у сердца. Вирд открыл глаза и слегка наклонил голову в приветствии, не отнимая флейты от губ. Конечно, ему следовало вскочить и упасть на колени, но он не сделал этого – его тело сковал ужас, а потом вместе с непрекращающейся мелодией пришло безразличие к тому, что сделает к'Хаиль Фенэ, когда узнает его.

– Это ученик мастера Наэля? – сказала она, обращаясь к Ого.

– Похоже, да, – ответил тот, поморщившись от произошедшего казуса, когда к'Хаиль не видела его, внимательно разглядывая Вирда.

– Он очень напоминает мне твоего приятеля с рынка. Рохо? Так, кажется, его зовут? – сказала она наконец роковые слова. Узнала.

Ого взглянул на нее с чистым недоумением на физиономии.

– Одно лицо, к'Хаиль! – воскликнул он и, обернувшись к Вирду так, чтобы его не видела Фенэ, но зато хорошо видел ученик музыканта, выпучил, а затем закатил глаза, поджал губы и сдвинул брови, все его гримасы говорили: «Как ты мог так влипнуть? Вот же тебя угораздило! Я, конечно, сделаю, что смогу, но за результат не ручаюсь». – Затем он вновь обернулся к хозяйке и опять стал само удивление и непонимание. – Если бы я точно не знал, что мой друг Рохо отправился назад к к'Хаэлю Оргону и понес пирог с персиками для моей золотой мамочки, я бы зуб отдал, сожри меня эфф, что это и есть он! Да только Рохо не умел вот так ловко играть на этой штуке, что у него в руках. – Ого указал на флейту.

К'Хаиль Фенэ отвернулась и неспешно пошла прочь, а вместе с ней и Ого, который еще пару раз успел обернуться и скривить Вирду рожу. Вирд закрыл глаза и окунулся в музыку.

– Мастер Наэль сказал, что его зовут Вирд, и он из Тарии, – заметил Ого, и госпожа мягко отозвалась:

– Я помню это.

– У того мальчика на рынке, – произнесла она после некоторого молчания, – тоже было не арайское лицо, я хорошо его рассмотрела. Да и на жителя Утариса, Чифры или Микая он не похож, и уж тем более не кутиец. – На последнем слове голос ее сделался чуть насмешливым и нежным. – Откуда он родом, твой Рохо?

– Не знаю, – протянул Ого, – не знаю... Он сам не знал. Ему было лет семь, когда он появился у к'Хаэля Оргона, и он ничего не помнил, даже как его зовут.

– Странные вещи творятся на свете, – тихо сказала госпожа, скорее сама для себя, чем для Ого. – Кто бы он ни был, но играет он, как бог.

Вирд на мгновение вновь открыл глаза и удивился, увидев, что к'Хаиль Фенэ с Ого отошли уже дальше чем на сто шагов, а он четко слышит их голоса, будто они говорят прямо над ним. Вирд продолжал играть, а голоса госпожи и раба утратили свою четкость, словно испугавшись осознания им этого странного факта, и растворились в гаме лагеря.

Вирд набрал полную грудь воздуха. Мелодия – удивительная, чистая, которую он никогда и ни от кого раньше не слышал, продолжала литься прямо из глубины сердца. Тревожные мысли, его боль и страх отдалялись, гонимые потоками музыки, становились прозрачнее воздуха и развеивались где-то вдали. Мысли и планы не толпились в его голове, как обычно, вместо этого внутри, где-то близ солнечного сплетения, клубились разноцветными всполохами эмоции; они обвивали тот странный сжатый узел, который развязался тогда с эффом. Клубок этот набухал и пульсировал, впитывал эмоции, как хлопок впитывает влагу, и раскрывался как бутон, разливался как река. Нити этого узла вплетались в его музыку и парили в воздухе. С закрытыми глазами он видел, как вокруг его флейты танцуют светящиеся разноцветные лучи, переплетенные в замысловатом узоре. Нити сплетались в очертания предметов, животных, растений и людей, полыхали переливами всех цветов радуги, перетекали жидким золотом из одного образа в другой, тонули в серебряном море, что разлилось вокруг.

Темп мелодии нарастал, пальцы Вирда двигались сами по себе так быстро, что невозможно было за ними проследить. Он и думать забыл о правильной постановке рук. Ничего сейчас не было важным, только те нити, музыка, радость и чувство свободы, переполняющее его.

Прекрасная целостная картина сплеталась из живых нитей. Он уже видел далекие башни, подпирающие небо, сад, утопающий в цветах, смеющихся детей, танцующих среди деревьев, покрытых золотыми цветами. Он видел мирные красивые дома и счастливых

людей в этих домах, видел огромные комнаты, заполненные книгами до самого потолка, юношей, поющих гимн среди высоких мраморных стен. Многие возникающие перед ним образы не находили названий в его небогатом лексиконе, некоторые не поддавались описанию вовсе...

Образы постепенно тускнели, таяли, рассеивались на ветру, от нитей остались только серебряные искорки, затухающие в темноте: мелодия подходила к завершению.

Наконец Вирд остановился и, тяжело дыша, отнял флейту от губ. Его руки затряслись, едва не выронив инструмент, и он почувствовал такую слабость, что упал бы, если б не сидел.

– Как называется эта мелодия? – послышался тихий голос Гани Наэля.

Вирд очнулся, огляделся вокруг: мастер Наэль, подперев голову руками, сидел прямо перед ним на земле, вернее – на подушке из повозки.

Все камни, которые выступали из земли то тут, то там, были заняты людьми с желтыми и зелеными платками. Вокруг стояли сбившиеся в кучки рабы. Чуть в стороне, не очень близко, но и не далеко, появились два походных кресла, на которых восседали к'Хаиль Фенэ и к'Хаиль Кох-То, рядом с креслом Фенэ, скрестив ноги, на земле сидел Ого. Все молча смотрели на Вирда.

– Так как она называется? – повторил Гани.

Вирд вздрогнул и ответил тихо и правдиво:

– Я не знаю...

– Ничего, я придумаю название... – Мастер Наэль легко встал, подхватив свою подушечку, и пошел прочь, бормоча: – Дорого бы я дал, чтобы узнать, из какой ты страны... Где сочиняют такую музыку? Если он и из лютни или арфы извлечет подобные звуки, то клянись, убей меня огонь, я сам буду у него учиться...

Глава 4 Охота

Куголь Аб

Раб Рохо объявился в Буроне. Он вошел через Северные ворота на пятый день после побега. Назвался не своим именем, но имя к'Хаэля упомянул верное. Впрочем, даже если бы он представился как раб другого господина или как свободный, то все равно его не трудно было отыскать – стража узнала его по описаниям. Хорошая память – кормилица любого привратника.

Когда Куголю Абу доложили об этом, он несказанно обрадовался, но ненадолго. Рохо растворился в городе. И Куголь Аб все больше и больше убеждался, что раб действует под покровительством могущественных друзей. Он ведь должен был что-то есть, где-то спать; не имея ни крова, ни пропитания, раб стал бы искать работу, или просить милостыню, или воровать. А все эти его действия дали бы зацепку Куголю Абу. Но раз сбежавший ничего не предпринимал, то это значит, что кто-то дал ему и еду и пристанище.

Раб также не спешил хвастаться ошейником или заявлять о своих правах. А значит, хитрый противник Куголя Аба и его к'Хаэля выжидал. Это было плохо для зрителя, ведь противник знал, чего он ждет, а Куголь Аб – нет.

Как и предполагал Аб, поиски среди буронских нищих ничего не дали, как и расспросы рыночных торговцев. Несколько людей Куголя днем и ночью дежурили в самых захудалых тавернах, где мог появиться Рохо. Но дни проходили за днями, а поиски не давали никаких результатов.

Его люди были слишком медлительными; да, они верные и надежные слуги, отличные следопыты, которые найдут любого в лесу или в горах, но здесь, в городских стенах, нужны другие навыки. А ведь мальчишке помогал кто-то из знатоков городской жизни...

Когда пошла вторая неделя бесплодных поисков, Куголь Аб решился обратиться к городским мастерам. Сегодня в таверне «Великий Змей» он сидел над чашей вина и ожидал встречи с человеком из гильдии ловцов – охотников за людьми, или, как они себя называли – Куголь Аб поморщился – городскими эффами. Странно было ему – старшему потомственному зрителю, встречаться с людьми, называющими себя животными, да еще и по делу, в котором сплеховал настоящий эфф.

Невысокий человек в серой, ничем не примечательной одежде появился как из ниоткуда и уселся напротив, сразу принявшись потягивать вино из второй, приготовленной заранее для него кружки.

– Чего хочет добрый господин от городских эффов? – спросил он.

– Мне нужно найти кое-кого. Он украл одну вещь у моего к'Хаэля, – ответил Куголь Аб.

– Раб или свободный? – спросил серый человек. Иной раз к этим городским эффам обращались, чтобы найти раба, если хотели получить своего невольника живым, а не просто его голову. Но такое случалось редко, чаще к их услугам прибегали, когда требовалось добыть голову свободного.

– Свободный, но может выдавать себя за раба, – ответил Куголь Аб; незачем этим охотникам знать, что Рохо – беглец, прихвативший с собой ошейник.

Собеседник недоверчиво посмотрел на Аба и заметил:

– Обычно наоборот.

Затем Куголь Аб еще долго выслушивал похвалы серого человека самому себе и собратьям по ремеслу, описание всех достоинств и преимуществ городских эффов, уверения, что плата за их услуги самая низкая и даже ниже, чем за услуги настоящих эффов, притом что

настоящие эффы действуют намного грубее – при этих словах Куголь Аб побагровел от негодования, но сдержался.

Аб не любил долгих разговоров, он предпочитал решать дела быстро и сразу обозначить, кто и что должен исполнить и какую плату получить. Серый человек утомил его, и он чуть было не отказался от его услуг, но все же не отказался, о чем в дальнейшем не пожалел.

Действительно, «городские эффы» обладали некоторыми преимуществами, они распространили описание Рохо во всех тавернах, среди всех нищих, воров и прочего сброда. И, спустя всего три дня, объявился человек, видевший Рохо, или кого-то похожего, на рыночной площади как раз в тот день, когда раб вошел в Бурон.

Мерзкий, грязный и бесчестный маленький человечек с алчными прищуренными бегающими глазками, неприятным, срывающимся на писк голосом описал внешность Рохо – надо сказать, довольно точно описал. Мальчишка был в той же одежде, в которой сбежал, босой, с неровно обрезанными волосами. Человечек сказал, что предложил было ему помощь, но затем понял, что этот раб не тот, за кого себя выдает (вернее, понял, что у раба нет ни гроша), и оставил его. Несмотря на то что человечек ничего больше не знал, он затребовал непомерную цену за сведения.

Аб отсчитал ему ровно столько, сколько тот просил, но ему было так неприятно, будто он подкармливал крысу.

И вновь – тупик. С того первого дня, как Рохо видели сразу в двух местах: у Северных ворот и на рынке, он больше нигде не появлялся. Конечно же Куголь Аб хорошо заплатит стражникам (и стражникам не только Северных ворот) за своевременное сообщение, если раб покинет город. Но Рохо был еще где-то в Буроне. Прятался, вернее – его прятали, и выжидал. Почему же эти неведомые враги не пускают в дело ошейник? Почему они отмалчиваются? Ведь чем больше времени пройдет, тем труднее будет доказать, что эфф остался жив. Хотя, может, это и не главное в их плане. Если безоружному мальчишке так просто удалось бы убить зверя, то это означало бы то же самое, что и снятый с живого эффа ошейник – изъян в славящихся безупречностью животных к'Хаэля Оргона.

Куголь Аб, глядя вслед уходящему, похожему на крысу человечку, вдруг осознал, что искал не там. Он пытался найти Рохо среди отбросов общества – таких, как этот вот алчный тип. Но ведь сам он – Куголь Аб, уже давно догадался, что Рохо помогает кто-то могущественный. Как мог старший смотритель, всегда считавший себя мудрым человеком, так ошибиться? Он правильно размышлял и выводы делал верные, вот только действия его были направлены совсем в другую сторону. Ему с самого начала следовало искать того благородного, кто помогал этому злосчастному рабу.

И вдохновленный новой идеей, Аб с удвоенными силами стал копать. Он скоро узнал имена всех благородных домов Буруна, узнал об их связях с великими домами Ары, узнал о том, кто, у кого и когда покупал эффов. Кто нанимал зверей. Он добрался до торговой палаты Буруна и до книг, хранивших записи обо всех движениях эффов в Северной провинции. И только тогда – нашел!

О! Ему следовало бы догадаться раньше! К'Хаиль Фенэ Хай-Лид ди Курсан прибыла в Бурон из южных земель один год и три луны назад и привезла с собой нескольких ее родовых эффов. Она и ее давняя подруга к'Хаиль Кох-То отправились девять дней назад в Тарию, в Город Семи Огней!

Когда Куголь Аб понял это, то едва не потерял всякую надежду. Он закрыл лицо руками и тяжело осел на деревянный громоздкий стул, что стоял посреди его комнаты в гостинице Буруна. Госпожа Фенэ обвела его вокруг пальца, пока Аб перерывал весь город в поисках пропавшего мальчишки, она вывезла его вместе с ошейником эффа не только из Буруна, но и из Ары. В том, что все это организовала госпожа Фенэ и что она спрятала Рохо среди своих рабов в караване, Куголь Аб нимало не сомневался.

Он еще не понимал, какие цели преследует к'Хаиль Фенэ, не знал, зачем ей нужно было покидать Ару. Но она изворотлива, как змея, и хитроумна, как лиса, а это значит, что за всеми ее действиями что-то стоит.

Фенэ стремится уничтожить доброе имя эффов рода Холо. А Куголю Абу нужно любой ценой узнать, как она собирается это сделать, и разрушить все ее планы.

Чем глубже копал Аб, тем более целостная перед ним открывалась картина. Хитрость замысла к'Хаиль Фенэ внушала восхищение. Воистину женщина была умна. Она задумала этот план давно и осуществила его безупречно. Если бы Куголь Аб больше внимания уделял людям, а не эффам, если бы он взял торговые книги рабов, а не зверей, то не потерял бы столько времени впустую. Почти год назад к'Хаиль Фенэ купила у его господина Оргона кутийца, чем-то насолившего Оргону-младшему – раба Ого. А раб этот, как после некоторых расспросов обнаружил Куголь Аб, был дружен с рабом Рохо.

Так она вышла на мальчишку и убедила его бежать. Рохо знал, что эфф его не догонит, знал он и куда идти после того, как окажется в Буроне. Раб-марионетка, послушная кукла в руках великой женщины. К'Хаиль Фенэ руководила каждым его шагом. Страх – честь и благородство раба, а госпожа Фенэ лишила Ого и Рохо этой чести, когда избавила их от страха перед эффом.

Куголь Аб пришел в себя, он уже знал, как будет действовать дальше: нужно нагнать караван, пусть даже в самом Городе Семи Огней, отыскать раба Рохо и уничтожить его! Он не станет даже пытаться вернуть мальчишку живым, слишком велик риск. Только своевременная смерть раба поставит точку в коварных замыслах к'Хаиль Фенэ.

Не менее важно было вернуть ошейник; в первые дни после возвращения Угала Куголь Аб, к своему стыду, и думать забыл об этом, но сейчас он понимал четко: у него только семь лун до следующей ежегодной переписи эффов. Если императорский инспектор обнаружит эффа без ошейника или не обнаружит его вообще (мало ли что случится с Угалом... пока он смиренный и выглядит здоровым, но эфф без ошейника – явление необычное, он может издохнуть, а может войти в буйство и вынудить себе уничтожить), – то к'Хаэля Оргона ждет либо позор, либо казнь.

Ему нужна была голова этого раба. О! Если бы он мог просто послать вдогонку эффа, как в старые добрые времена!.. Но раз он не может послать эффа-зверя, то пустит по следу эффа-человека!

Вирд

По Диким землям караван двигался в ускоренном темпе. Всем, а в особенности двум к'Хаиль, не терпелось поскорее пересечь эту негостеприимную территорию. Едва заходило солнце, как вокруг лагеря разжигали множество костров, которые поддерживали всю ночь, чтобы отпугивать диких зверей. А едва над каменистой землей начинала разгораться заря, повозки двигались в путь.

Распорядок всего лагеря и самого Вирда изменился. Сейчас у него не было времени на репетиции в утренние часы, поиграть на флейте он мог лишь в повозке или идя за ней в быстром темпе, или ночью. Гани Наэль, как обычно, по утрам сладко спал, только теперь уже в движущейся повозке.

По вечерам Мастер Музыкант стал брать с собой Вирда, отправляясь в шатер дам. К счастью, Вирда не просили играть для них. Зато он мог слушать песни и истории Гани Наэля. И эти истории стали для него кладом знаний и чудес. Он с жадностью ловил каждое слово, впитывал каждую мудрость, запоминал каждое имя и название. После, вернувшись к повозке на ночлег, Вирд подолгу не мог уснуть, перебирая в мыслях все эти истории. Он, как любопытный ребенок, расспрашивал Гани о землях и людях, что были в рассказах Мастера,

а тот, усмехаясь, терпеливо отвечал на все его вопросы, часто доставая карту из многочисленных сумок и показывая страны и города длинным и тонким пальцем.

Гани Наэль очень любил рассказывать, а Вирд любил слушать; первому было что рассказать, а второй был словно пустой сосуд, который хотел наполниться новыми знаниями, поэтому они могли говорить часами, трясаясь в своей повозке или вернувшись поздним вечером от к'Хаиль.

Мастер Наэль еще не давал Вирду в руки другие свои музыкальные инструменты, но он показал и рассказал, что округлый, напоминающий чем-то грушу деревянный предмет со струнами называется лютней, изогнутая изящная тоже струнная штукавина – арфой, а необычный инструмент, похожий на скрепленные между собой днищами две медные тарелки с разными выпуклостями по бокам, который издавал завораживающие и необычные, как и его вид, звуки, Гани назвал «го-то-ко»..

– Я знаю, что ты скрываешься... – произнес однажды Наэль, сидя напротив Вирда в движущейся повозке.

Караван останавливался в течение дня лишь для того, чтобы наскоро приготовить обед, дать отдых людям и животным, и снова отправлялся в путь. Был полдень, до обычной остановки оставался еще час. К'Хаиль Фенэ и к'Хаиль Кох-То отдыхали, а Вирд с Мастером Музыкантом вели, как всегда, беседу о дальних странах и великих событиях.

Сердце Вирда замерло на мгновение: он уже стал доверять этому человеку, Наэль нравился ему, многому его научил за те недели, что они провели в караване. Неужели Мастер Музыкант может выдать его?

– Ты очень необычный парень, – продолжал Гани Наэль. – Я знаю, что ты не хочешь, чтобы в твою историю кто-то совал свой нос. У тебя есть своя тайна, а я давно усвоил правило: хочешь крепко спать и долго жить – держись подальше от чужих тайн. Так что не бойся, я не стану ни допрашивать тебя, ни рассказывать о тебе кому-либо. Можешь не отвечать мне, просто слушай.

И Вирд слушал. Молча, затаив дыхание.

– Ты заинтересовал меня. Обычно я с легкостью читаю людей, но не тебя. Я до сих пор не знаю, откуда ты. Я знаю, что ты не араец, хотя говоришь с их акцентом. Ты и не из окрестных стран. Черты лица, светлая кожа, форма скул, светлые глаза при темных волосах, да и строение тела выдает в тебе уроженца центральной Тарии. Но ты совсем не знаешь наших обычаев, и как ни странно, обычаи Ары тебе тоже не все хорошо знакомы. Ты чужак. Но откуда ты пришел?.. Я думал – а не притворяешься ли ты? – но в этом нет смысла, и ты слишком молод, чтобы так хорошо притворяться, ведь искусство это приходит только с годами. Ты не раб и не слуга, – Вирда удивил такой вывод, – этого не скрыть: рабство въедается в душу, как краска в руки красильщика, с молоком матери впитывается в кровь. А ты ведешь себя совсем по-другому... Чего стоит только твой кивок Фенэ тогда утром, когда ты играл на флейте! Ты кивнул ей как равной, да еще сделал это с таким достоинством, что к'Хаиль не стала ничего требовать от тебя, а поспешила убраться. – Вирд удивился. Это выглядело так? Тогда он просто испугался, что она узнает его, он с трудом удержал флейту и едва пошевелил головой, скованный страхом...

– Я сам родился на юге Тарии, в Междуморье, – продолжал задумчиво Наэль, – но большую часть жизни провел в Городе Семи Огней... Город тайн... Скажи мне только одно: ты когда-нибудь был в Городе Семи Огней?

Вирд отрицательно покачал головой, он заметил, что странная откровенность и словоохотливость Гани Наэля вызвана лишними глотками вина, которое тот медленно потягивал из кожаного бурдюка. За эти несколько недель Вирд немало узнал, в том числе и то, что вино не только приятно на вкус, но может также вскружить голову и развязать язык. Сам он однажды, глотнув лишнего из-за мучившей его жарким днем жажды, потом не мог крепко

стоять на ногах и ясно мыслить. И лишь отоспавшись в повозке – благо никто не трогал его – пришел наконец в себя.

Гани Наэль продолжал потягивать напиток из бурдюка, глаза его затуманивались, и он говорил все более возбужденно:

– Я бы сейчас половину заработанного в Аре отдал, чтобы узнать, откуда ты пришел! Хочешь половину моих денег? – Язык Гани еще больше заплетался, таким Вирд еще не видел его. – Кто научил тебя так играть? Где ты слышал эти твои мелодии? Я, закончивший Академию Искусств и двадцать лет учившийся музыке, и то никогда так не сыграю! Я даже запомнить не смог этой твоей мелодии... Я даже повторить ее не смог!.. Я пытался!

Он снова сделал глоток:

– Клянусь, погасни мой огонь! Или как вы там ругаетесь... Сожри меня эфф? Ты, парень, – загадка даже для Семи Огней! Готов поставить об заклад свой лучший зуб, что они попереломают о тебя свои острые умы. Мудрецы!.. Что им известно об ученике Гани Наэля! Видал я таких мудрецов знаешь где?.. Вот в Чатане Мудрецы – это настоящие мудрецы! Надо же им было такое придумать – эффов! Но что меня удивляет – арайцы этих эффов натравляют только на рабов! Тарийцы давно б уже приспособили их для чего-то более коварного. Например, убийство... несогласных Советников. Проголосовал Совет не так, как ты хочешь, и через час у тебя головы этих Советников... А Совет может послать эффа к Верховному! Так глядишь – и мы без правителей!

Дальше речь Наэля стала совсем непонятной для Вирда, и не столько потому, что слова в его устах перестали быть четкими, сколько из-за незнакомых понятий и выражений.

Еще около часа Мастер Наэль сотрясал воздух рассуждениями и восклицаниями, а затем повалился на устланную коврами лавку и захрапел, выронив бурдюк. Его голова запрокинулась, а пепельные волосы растрепанным веером рассыпались по бархатным подушкам.

Вирд подобрал и заткнул бурдюк с недопитым вином пробкой, положил его на лавку около себя, затем закинул ноги мастера в мягких сапожках на бортик повозки, чтобы тому было удобно, и выскочил наружу.

Караван готовился к стоянке. Проводники и извозчики возбужденно переговаривались, обсуждая, где лучше стать. Вирд прислушался к тому, что кричал невысокий полный мужчина в сером кафтане с зеленым платком на голове, завязанным на затылке узлом. Он утверждал, что лучше пройти дальше и там остановиться. Высокий жилистый и смуглый до коричневого охранник – его, кажется, звали Кир – бранясь последними словами, доказывал, что незачем туда идти. Спор разгорался, и шум голосов нарастал. Вирд искал глазами повозку к'Хаиль Фенэ и увидел ее резные борта и зеленый балдахин впереди, прямо перед ругающимися. Там же ярким солнцем полыхала рыжая голова Ого.

В последнее время Вирд видел друга часто, просто в лагере или в шатре к'Хаиль. Но поговорить с ним долго наедине не получалось. Всегда или рядом с Ого была к'Хаиль Фенэ или рядом с Вирдом Гани Наэль, вернее – это Вирд с Ого были рядом с ними. А при них откровенно не поговоришь.

Высокий рост Ого позволил ему скоро заметить, что Вирд вышел из повозки. Он тут же направился к другу, расталкивая рабов, что столпились и, открыв рты, следили за переругиванием вольнонаемных.

Ого оказался рядом через несколько минут. Кивнул ему и прошел мимо в конец каравана, давая понять, чтобы Вирд следовал за ним.

Вирд помедлил только мгновение, еще раз бросил взгляд на коротышку в зеленом платке, покрасневшего от досады как вареный рак – его план идти дальше никто не хотел принимать, – и последовал за Ого.

Когда он отыскал рыжую голову кутийца среди людей к'Хаиль Кох-То, Ого заигрывал с несколькими рабынями в желтых поясах. Девушки вяло улыбались ему, изнывая от жары и

желая присесть после долгого перехода, который, в отличие от самого Ого, проделали пешком.

Вирд с другом стали чуть в стороне от рабов, и Ого заговорил:

– Знаешь, о чем я спрашиваю себя почти каждый день?

Вирд пожал плечами.

– Ты это или нет? – ответил кутиец на свой же вопрос. – Знаешь, когда я говорил к'Хаиль Фенэ, что ты не Рохо, то сам почти верил в это. Когда ты успел выучиться так играть на этой... как ее...

– Флейте, – вставил Вирд.

– Да, флейте! Так когда?

Вирд снова пожал плечами:

– Это та же свирель... Ты же знаешь, что я всегда любил на ней играть. Меня и научила-то твоя мама.

– Да... это правда... – протянул Ого. – Но все равно, я гляжу, как ты изменился, и не верю... Ты – вылитый благородный! Словно тебя воспитали семь учителей к'Хаэля, а не старик Рулк и моя золотая мамочка.

Вирд недоумевал, почему сегодня все говорят ему что-то в этом духе: «Ты ведешь себя как благородный». Вирд просто был Вирдом. Да, он точно не хотел опять становиться рабом Рохо, но он знать не знал, как ведут себя благородные.

– Ты даже голову и спину держишь так, что этот жирный боров Оргон-младший удавился бы от зависти!

Вирд засмеялся:

– Ого! Что ты говоришь такое? Я просто оделся по-другому, к тому же эту одежду ты сам для меня достал!

– Ты изменился... И зовут тебя теперь иначе... – Ого вздохнул, будто сожалел.

– Я все еще твой друг, Ого. Я – твой друг.

Ого расцвел обычной своей улыбкой, он поднял было ручищу, чтобы хлопнуть со всей силы Вирда по спине, а Вирд напрягся, вспоминая нехилый дружеский жест, который не раз ему пришлось испытать, но кутиец, оглянувшись на рабов к'Хаиль Кох-То, передумал: что они подумают, когда увидят, как раб Ого бьет по спине свободного ученика музыканта?..

– Просто я немного завидую тебе, Вирд, – сказал Ого наконец. – Свобода есть свобода... И как бы я ни уважал к'Хаиль Фенэ, как бы хорошо ни относилась ко мне она – я все-таки раб... Кстати, а где Мастер Гани Наэль?

– Он выпил лишнего и спит, – ответил Вирд.

– Странно, – протянул Ого, – я думал, что он может выпить бочку и не опьянеть... Он опустошил почти половину запасов вина к'Хаиль Фенэ – и ни разу у него даже язык не заплелся.

Вирд задумался над словами друга. Но Ого заговорил о том, что заставило его забыть о внезапно захмелевшем Мастере Наэле:

– Ты думаешь, они потеряли твой след?

– Не знаю, Ого, это было бы большой удачей.

– Ошейник все еще у тебя?

– Да. Очень хочется верить, что он уже никогда не понадобится мне.

– А ты понял, как у тебя получилось? Ну... снять его...

– Нет, Ого, нет. Я не знаю, что тогда произошло. Словно внутри меня... какая-то сила... Что-то похожее было со мной, когда я играл... в тот день... Фенэ чуть не узнала меня... Но я не знаю, клянусь, не знаю, что это...

В конце второй недели со дня их отбытия из Бурона караван вплотную приблизился к гряде Сиодар. Дальше начинался крутой подъем, и широкая дорога уходила куда-то в небо. Справа и слева на востоке и западе возвышались величественные горы с белыми вершинами, на которые, как птицы на насест, пытались присесть кудрявые облака.

Караван прибыл к перевалу Майет во второй половине дня. Время обеда уже миновало, но сегодня обошлись без обычной стоянки – госпожа Фенэ хотела добраться до перевала еще засветло. Теперь впереди было достаточно времени, чтобы похлепать каши, приготовленной рабами в походных котлах, чтобы отдохнуть и набраться сил перед переходом через горы.

Здесь, у подножия гряды, было уже не так жарко, как в Диких землях или в Аре, но в то, что Вирду понадобятся те ватные штаны, он еще не верил. С гор дул свежий ветер, и Вирд с удовольствием вдыхал горный воздух, насыщенный ароматом трав.

«Я прожил еще один день свободным!» Хотелось поверить в то, что Оргон уже потерял его след, а может, ко всем его многочисленным в последнее время удачам добавилась еще одна, самая невероятная – Оргон забыл о нем?

Странно было вот так без дела слоняться по лагерю и смотреть, как суетятся занятые работой невольники. Охранники в кожаных доспехах выглядели веселыми, они рады были, что Дикие земли остались позади, хотя вздохнуть свободно они смогут, только когда перейдут Майет. Утариец и одноглазый играли в камни, а остальные, кто не был на постах – со всем вниманием следили за каждым броском, взрываясь то и дело ругательствами и разочарованными возгласами: похоже, утарийцу везло, а они все были на стороне одноглазого.

Вирд прошел мимо стражей, мимо еще одного костра, на котором готовилась дичь: в караване нашлись охотники, которые настреляли немало выпорхнувших из высокой травы перепелов, когда бесплодные каменистые просторы Диких земель сменились зелеными лугами у подножия Сиодар.

Рабыни уже несли в высоких кувшинах воду из горного ручья, что обнаружился с восточной стороны лагеря прямо за высящейся среди густой травы голой скалой, похожей на вспоровший брюхо земли каменный кинжал.

Одна из женщин – юная смуглая красавица с кувшином на плече в сером платье, перетянутом зеленым поясом, – рабыня к'Хаиль Фенэ, улыбнулась Вирду и сразу опустила глаза. Другие захихикали.

Вирд тоже усмехнулся краешком рта и подумал, что к'Хаиль Фенэ совершенно по-другому обращается со своими рабами, нежели к'Хаэль Оргон – у того девушки не заигрывают со свободными, да и вообще редко смеются.

Проснуться среди ночи Вирда заставила естественная потребность. Почему-то журчание протекающего неподалеку ручья в тишине делало эту потребность совершенно невыносимой. Вирд вскочил и стал пробираться сквозь ночной лагерь к его краю. Он обходил растянувшихся на одеялах или просто на голой земле спящих людей, иногда переступая через чьи-то раскинувшиеся руки и ноги.

Здесь, у перевала, удобного места для отдыха такого количества людей было не так уж и много. Никто, конечно, не хотел ложиться на склоне, чтобы потом во сне скатиться вниз и намять себе бока об острые камни. А ровных участков, обильно поросших мягкой травой, оказалось совсем мало. Конечно, самое лучшее место в первую очередь занял шатер хозяек (в этот раз они вдвоем ограничились одним кровом), затем выбор предоставили Мастеру Музыканту и его ученику, потом – вольнонаемным и приближенным рабам. Остальным же приходилось ютиться там, где можно было вытянуть ноги, но среди рабов действовало правило: в тесноте, да не в обиде.

Поэтому Вирд с таким трудом пробирался за лагерь. Конечно же Мастер Гани Наэль, проснись он по той же причине, не стал бы протискиваться через плотно лежащие ряды

рабов в поисках подходящего места. Для этих целей у него был специальный ночной горшок, который утром менял один из рабов. Но то Гани Наэль, а он – Вирд хоть и не раб уже, но все же человек, непривычный к таким преимуществам...

Вирд выбрался наконец из тесноты лагеря и уже через пару минут ему значительно полегчало. Теперь мысли были заняты тем, как протиснуться обратно и найти за лабиринтом спящих тел свое одеяло, желательно не наступив ни на кого, да еще и в кромешной темноте. Правда, время от времени полная луна выглядывала из-за гонимых горным ветром облаков, и тогда становилось достаточно светло. В одно из таких мгновений Вирд заметил стоящую рядом с высоким камнем фигуру человека. Он невольно вздрогнул, но тут же успокоил себя: постовой или просто человек, которого подняла та же причина, что и его самого.

Вирд отвернулся, оправляя одежду, и когда вновь взглянул в сторону камня – человека там уже не было. А еще через мгновение чьи-то руки взметнулись у него из-за спины, и Вирд отшатнулся, вскинув ладони к лицу. Тут же его правая рука оказалась выгнута и прижата к горлу накинутой удавкой. Человек позади тихо выругался, ему мешала рука Вирда – такая позиция плохо подходила для осуществления его планов. Вирду силой стягивающейся удавки больно вдавило костяшки пальцев в кадык, и он захрипел. В отчаянной попытке освободиться он вцепился левой рукой в шнур и дернул изо всех сил – небольшое послабление, вырванное на долю секунды, позволило высвободить правую руку и перехватить удавку.

Но убийца был очень силен, а у Вирда хватало сил только на то, чтобы не дать веревке окончательно затянуться на его шее, он не мог ни освободиться, ни закричать.

– Где ошейник? – прошипел человек, тяжело дыша прямо ему в ухо.

Даже если бы Вирд захотел ответить ему, то не смог бы. Из его горевшего как от ожога горла вырывался только сухой хрип.

Убийца усилил натиск, и Вирд почувствовал, что у него темнеет в глазах. Его мышцы напряглись до предела, а сухожилия на руках, казалось, сейчас порвутся.

– Ни звука! А то выпущу кишки! – вновь прошелестел голос; Вирд ощутил укол в левом боку и тут же понял, что сжимает в обеих руках перед собой свободно обвисший шнур – человек бросил одно оружие и ловко пустил в ход другое.

– Ошейник? Он у тебя? – Вирд знал, что убийце не потребуется много времени и сил, чтобы вогнать нож ему в бок. Он до сих пор не сделал этого только потому, что не был уверен в наличии сейчас у Вирда ошейника эффа.

Вирд молча застыл, а человек, теряя терпение, стал обшаривать его свободной рукой и уже через миг нащупал у него за пазухой то, что искал. Убийца удовлетворенно хмыкнул, забирая добычу, и ловкая рука с кинжалом взлетела к горлу Вирда, в то время как вторая змеей обхватила его плечо и грудь – ночному охотнику показалось более надежным и тихим перерезать жертве горло, чем вспарывать бок.

Но нож только скользнул по шее... Послышался полустон-полувскрик – и руки, разомкнувшись, раскинулись в стороны, а высвобожденный из смертельной хватки Вирд повалился на землю, держась за горло. Из неглубокого пореза сочилась кровь. Луна вновь вышла из-за облаков и осветила фигуру Гани Наэля, стоявшего над растянувшимся в нелепой позе телом неудавшегося убийцы.

– Ты ранен? – спросил Мастер Наэль.

Вирд только захрипел в ответ, его горло болело невыносимо. Он увидел ошейник эффа в мертвой руке убийцы и неловко потянулся к нему дрожащей рукой, но в глазах снова потемнело, и Вирд отшатнулся, так и не достигнув цели.

Гани, заметив его попытку, нагнулся и подобрал сокровище Вирда. Он посмотрел на него – странную шипованную вещь красного цвета, держа на вытянутой руке:

– Что это? Пояс? – Ошейник эффа действительно был так велик, что мог бы служить поясом для человека чуть потоньше Вирда.

Вирд вновь слабо захрипел, судорожно схватил и спрятал за пазуху протянутую Наэлем вещь.

Послышались голоса, и из-за груды камней появились, держа перед собой горящие факелы, охранники каравана, возглавляемые одноглазым.

– А-а!.. – громко и насмешливо протянул Гани Наэль. – Не бойся, Вирд! Мы спасены! Доблестные стражи явились на выручку. – Он не спеша нагнулся к труп, глядящему остекленевшими глазами на полную луну, перевернул его, вытащил свой кинжал, торчащий у того в спине, и вытер об одежду убитого.

Охранники негромко переговаривались, все больше бранными словами, и оглядывались по сторонам. Одноглазый пнул ногой мертвеца и стал осматривать. Он вытянул из обмякшей руки кинжал, пустивший Вирду кровь, и поднес в свете факелов к единственному глазу.

Вирд, так и оставшийся сидеть на земле перед трупом, смог разглядеть, что рукоятка кинжала выполнена в форме какого-то животного, застывшего в прыжке. Гани Наэль подошел и протянул руку к одноглазому, тот молча вложил клинок в ладонь Наэля.

– Что это за оружие? Оно что-то значит? – спросил Мастер Музыкант, внимательно рассмотрев находку.

И одноглазый, вздохнув, ответил:

– Ночной охотник – «городской эфф».

Вирд вздрогнул, услышав это слово, и понял, что зверь на рукоятке – эфф.

– Я чужестранец, – чуть раздраженно продолжил Мастер Музыкант, – и не знаю всех тонкостей Ары, но слышал, что эффы – это такие звери, которые охотятся за беглыми рабами.

– Все так, господин Гани Наэль, – произнес одноглазый, стараясь не смотреть на Гани, ему было не по себе, ведь музыкант расправился со злоумышленником раньше, чем он и его люди поняли, что происходит в лагере, – эффы охотятся за рабами, а этот... – он пнул ногой труп убийцы, – «городской эфф», они так называют себя. Обычные наемные убийцы. Они подражают чем-то зверям и стараются отрезать голову, чтобы принести ее заказчику.

Вирд судорожно сглотнул.

Наэль хмыкнул и пробурчал:

– Зачем ему понадобилась моя голова?

Одноглазый пожал плечами, а стоящий рядом утариец ухмыльнулся, показывая бело-снежные на черном как ночь лице зубы:

– Может, какая к'Хаиль наняла? За то, что ты на ней не женился!

И все они, Мастер Наэль в том числе, громко захохотали.

Вирд не сразу понял, что учитель прикрывает его, не желая, видно, чтобы кто-то заинтересовался, зачем за учеником пришел убийца.

Вирд больше не мог сидеть и, растянувшись на земле, закрыл глаза.

Опять за ним послали эффа, и опять смерть его не достала...

Глава 5 Раздумья

Гани Наэль

Два огромных отвратительных зверя разлеглись, без всяких клеток или хотя бы цепей, у крытой холстом повозки, на козлах которой сидел высокий и худощавый, смуглый, как большинство южан, человек в зеленой рубашке и кожаном, тоже зеленом жилете – смотритель эффов. Он был полностью лыс и не считал нужным прикрывать свою сверкающую голову чем-либо, несмотря на жарко палящее солнце.

Гани Наэль так и не выяснил для себя, являлись смотрители рабами или же вольнонаемными. Этот вот – не носил ни пояса, ни платка, но все знали, кто он и чей.

Повозка смотрителей и следующие за ней пара эффов находились всегда в самом конце каравана и на стоянке держались отдельно. Еще бы... Только один запах чего стоит! Да и нечего зря пугать людей! Если он – Гани Наэль (не страдающий от трусости и заверенный самой к'Хаиль Фенэ, что ему – свободному, ничего не грозит) покрывается при виде этих тварей холодным потом, то рабы наверняка падают в обморок, когда это чудовище приближается к ним. Он и сам, будь он рабом, наложил бы в штаны...

Зачем только госпожа Фенэ тащит этих тварей с собой? Ведь все равно их оставят на пограничной заставе, что перед перевалом – в Тарию их вывозить запрещено. Да и вообще, зачем она едет в Город Семи Огней? Это Кох-То просто хочет поглазеть на Кружевной мост, а к'Хаиль Фенэ... Очень неглупа, с прекрасным чувством юмора, с карими хитрыми глазами. На такой Наэль, пожалуй, женился бы, согласись она жить в Тарии. Вот только к'Хаиль предпочитает молоденьких, вроде своего Ого. Да и не из тех она, кто, купившись на сладкие песни Мастера Музыканта, теряет голову. Чтобы заинтересовать Фенэ, нужно нечто большее, чем парочка историй про Тарию и парочка баллад про вечную любовь.

Мастер Наэль вертел в руке недавно приобретенный трофей – кинжал убийцы, этого «городского эффа». Рукоятка выполнена из белой кости... довольно искусно. Он взглянул на резного, затем на живого эффа: сходство определено есть. Что же все-таки это за тварь такая? Совет Семи многое бы отдал, чтобы заполучить живого эффа. Но законы Ары очень строги, и император тщательно охраняет свою тайну.

Всем эффам ведется строгий учет, их ежегодно переписывают. Императору не нужно следить за всеми владельцами эффов, достаточно строго контролировать заводчиков, а таких только восемь (Фенэ, кстати, одна из восьми). Лишь им разрешено держать у себя полноценных самок и самцов и получать потомство, каждый предназначенный для продажи эфф подвергается специальной процедуре, лишаящей его возможности размножаться. Заводчики, если не желают, конечно, лишиться головы, должны в свою очередь контролировать тех, кому они продали зверей: вести соответствующие записи и проверки. Ведь каждый хозяин-заводчик отвечает за рожденного у него эффа на протяжении всей жизни животного.

У эффа два главных инстинкта: отгрызть голову тому, за кем его послали, и принести эту голову хозяину. Говорили, что эфф кладет принесенную голову прямо перед к'Хаэлем, даже если этот к'Хаэль только вчера его купил. Но кто знает, может, это все рассказы, и эфф приносит голову смотрителю, получая за это сахарок... Наэль усмехнулся: эфф, выпрашивающий сахарок...

Император как коршун следит за передвижением этих тварей. Он и сам один из восьми, после того, как род со сложным для запоминания тарийца, даже с такой памятью как у него, Наэля, арайским именем был поголовно казнен из-за попытки продать слепого щенка эффа без ошейника в Доржену. Наверняка это дело хотела повернуть Тария. Кто знает, может,

император выращивал у себя боевых эффов: тварей не для ловли беглых рабов, а для более практических целей? Если учитывать еще и то, что император этот помешан на войне...

По той же причине и Совет Семи жаждет заполучить тварь, но никакие деньги и посулы не могли заставить хозяина-заводчика продать им животного, а значит – расстаться с помещением, родовым именем, семьей и конечно же головой, да и со всем, что для этих арийцев могло считаться важным и дорогим.

Звери выглядели вялыми и спокойными, но все равно... Что такому стоит одним ударом лапы перебить Наэлю позвоночник, даже если его голова твари и ни к чему?

– Почему ты не держишь их на цепи? – спросил Гани у лысого смотрителя.

Тот поглядел на него, как на идиота. «Вот откусит он твою лысую башку, и посмотрим, кто из нас идиот», – злобно подумал Наэль.

– Пока эфф в ошейнике, он безопасен для тебя, господин, – сухо и чуть насмешливо ответил человек (наверное, все-таки они не рабы).

Ошейник...

Эффы были интересны Наэлю, как любому тарийцу. Один к'Хаэль из Центральной провинции, любивший выпить и поговорить, оказался владельцем-заводчиком эффов в серых ошейниках и очень много чего понарасказывал Гани теплыми южными вечерами за бокалом вина. Но никогда раньше Мастер Музыкант не рассматривал ошейник вблизи. Да и что рассматривать, видно только цвет – зеленый у эффов Фенэ, – и то сбоку. Сзади у этих тварей был кожистый нарост, начинающийся с основания головы и ниспадающий на спину. Тот самый владелец «серых» говорил, что, когда они охотятся, то этот нарост встает дыбом. Ворот, раздвоенный по центру, оканчивался небольшими шипами, он почти полностью закрывал ошейник со спины чудовища.

Но все же, рассматривая сейчас животных, кое-что важное Гани Наэль увидел для себя в их ошейниках. Тогда, ночью, при нападении, он держал в руке вовсе не пояс – эта мысль, о поясе ребенка или девушки, по аналогии с аксессуарам, что носили рабы в лагере, первой пришла в голову Гани, когда он увидел эту штуку. Вещь юной рабыни, несчастная любовь Вирда и все такое... о чем еще может подумать Мастер Музыкант... Хотя в домах, где он гостил, рабы не носили специальных поясов. Эти знаки отличия, похоже, нужны были лишь при путешествии, где смешались люди разных господ. Да и странно было бы увидеть хрупкую тонкую девушку в этом грубом, довольно тяжелом шипастом поясе.

То был ошейник эффа! Как раз подходящее украшение для этой твари... Он, Мастер Гани Наэль, держал в своих руках настоящий ошейник эффа!

А вот его ученик, похоже, не только держал, но и прятал все это время за пазухой... Да, убийца вряд ли заинтересовался бы поясом какой-то рабыни, а вот ошейником...

Мысли Наэля опять вернулись к мучившему его уже не первый день вопросу: кто же такой этот парень? Вирд – настоящее это имя или нет? Он еще не разгадал прошлых загадок, как Вирд дал ему новый повод задуматься, да еще какой повод! Ошейник эффа! Кажется, красный... Кому принадлежали красные?..

Вирд снова удивил его, удивил так, что почва едва не ушла из-под ног. Вначале Гани пытался просто понять, из какой Вирд пришел страны. Потом – где он научился так играть. Но после того утра на стоянке у родника Ми кое-что прояснилось или еще больше запуталось – как посмотреть.

Вирд ведь не просто играл тогда: он творил музыку с помощью Силы. Никто из слушателей, зачарованных удивительно прекрасной мелодией, кроме Гани Наэля, конечно, не понял этого. Но Гани не зря провел большую часть жизни в Городе Семи Огней и около десяти лет в Академии Искусств, одной из Академий Пятилистника.

Им, студентам, говорили, что музыка, творимая Силой, – это уже не искусство, это нечто большее, как и все, где применялась Сила. Пять Академий, или Пятилистник (как

называли их за расположение зданий в Городе), давали образование просто талантливым юношам и девушкам, наделенные же настоящим Даром – учились в Академии Силы. Все то, что нелегким трудом долгих лет учений давалось далеко не лишенным таланта студентам Пятилистника, – Одаренные схватывали на лету. Кто-то из первогодков с Даром мог легко исполнить мелодию, недоступную Профессору Академии Искусств, или победить в бою Мастера Мечника Академии Воинств. Но эти Одаренные не были конкурентами простым смертным, у них был свой путь, и никто из них не стал бы зарабатывать себе на хлеб лютней или мечом. Да и вообще на хлеб им не нужно было зарабатывать – обо всем заботилась Тария, а они всецело у нее на службе (или в рабстве, сказали бы в Аре – и, может, были бы правы в большей степени). Хотя сами же Одаренные и правят Тарией: все решения принимает Верховный и Совет, а Король-Наместник – это так, для количества. «Чтоб я так жил! – думал иной раз Гани. – Никаких забот ни о крове, ни о еде. Вот тебе лучший дом на главной улице или покои в самом Здании Совета; вот тебе содержание, да еще и такое, что можно ни в чем себе не отказывать. Живи и радуйся, занимаясь любимым делом».

Однажды их, обучающихся искусствам, повели в Академию Силы, чтобы послушать игру одного из Одаренных, тогда Гани Наэль впервые услышал музыку, творимую Силой. Она завораживала, она восхищала так, что даже острое чувство зависти к игравшему отошло на второй план. В самом деле больше, чем искусство... Затем Профессор попросил их повторить мелодию. И никто, даже Гани, обладающий совершенным слухом и музыкальной памятью, не смог припомнить хотя бы трех нот подряд, ритма или тональности.

Он слышал Музыкантов Силы и позже, хотя они и редко играли для обычных людей. Что творится со слушателем – описать сложно: хочется смеяться и плакать, сражаться и любить... Мастер Силы вдохновит на любое дело, его игра не только потешит слух и эмоции, но и придаст сил... соткет из невидимых нитей крылья за спиной... То же самое он ощутил и тогда утром у родника Ми.

Гани еще сомневался, услышав игру Вирда в то утро, но, когда он не смог ни припомнить, ни повторить мелодию, сомнения развеялись. Вирд не останется его учеником надолго, у мальчика есть Дар. А это означает, что у него другое предназначение. Догадывался ли об этом сам Вирд, идя в Город Семи Огней, Наэль не мог с уверенностью сказать. Там он непременно попадет в руки Мастеров Силы, а уж они знают, что с такими делать.

Вряд ли парень раньше бывал в Тарии, несмотря на его, несомненно, тарийскую внешность: темные волосы, светлые глаза, отличающие уроженцев центральной Тарии. А Гани разрывает любопытство – главная его слабость и страсть. Большинство поступков в своей жизни он совершил движимый именно этим чувством, потому что неудовлетворенное любопытство причиняет ему воистину непереносимые страдания.

Вирд очень мало знает о мире – и тарийском и арайском, он задает вопросы с неподдельным интересом, но судя по тому, с какой скоростью он запоминает и осмысливает все рассказанное Наэлем, с какой жадностью впитывает любые крохи информации, не пройдет и полгода, как он будет знать больше чем достаточно.

Слушать-то он слушает, а вот сам молчит, как пойманный врагами разведчик из Ливада. Никакой способ его разговорить не действует, в его поступках и жестах Гани тоже не находит зацепок для себя: все больше загадки. В последний раз он даже попытался притвориться пьяным и начать говорить всякий бред, надеясь, что мальчишка или купится на его откровенность, или ослабит бдительность при пьяном учителе. Но Вирд молчал во время всего его монолога, а когда Наэль выдохся и сделал вид, что спит, – просто позаботился о его удобстве и вышел из повозки. Напоить самого Вирда тоже оказалось делом нелегким, он был удивительно сдержан и осторожен, хотя и непривычен к вину.

– Любуешься моими эфхами, Мастер Музыкант? – вывел его из задумчивости глубокий томный голос к'Хаиль Фенэ. Это в ее привычках: вот так неожиданно появиться в любой

части лагеря. В отличие от к'Хаиль Кох-То, местонахождение которой всегда легко определить – та считает ниже своего достоинства бродить среди рабов по лагерю, да и вообще очень редко отрывает свою распрекрасную и вызывающую, несомненно, всяческое восхищение любого арайца благородную задницу от подушек в шатре или повозке. А уж если выходит – то с достойной великой госпожи помпезностью, сопровождаемая свитой из рабынь, рабов, охранников и еще непонятно кого... А Фенэ разгуливает всюду с одним только этим рыжим парнем. Хотя кто знает: может, это специально обученный воин, которому ничего не стоит посворачивать шеи полудюжине врагов голыми руками. Кутийцы, говорят, на такое способны. Опыт у него, скорее всего, имеется, ведь заработал же он где-то такой шрам на щеке...

– К'Хаиль Фенэ! – поклонился Гани. – Мне всегда казалось, что эффы созданы не совсем для того, чтобы ими любоваться.

Фенэ приятно рассмеялась:

– Ты прав, Мастер Наэль! Хотя некоторые предпочитают любоваться на принесенные ими головы.

Он поморщился:

– Я не настолько кровожаден.

– Ты хочешь что-то узнать о них? – неожиданно спросила она. – Спрашивай, я все тебе расскажу.

Гани с недоумением взглянул на госпожу Фенэ: чуть прищуренные ее глаза не давали никаких намеков на то, серьезна она или шутит. Фенэ никогда не болтала лишнего, а тут вдруг предлагает ответить на все его вопросы о главной тайне арайцев – эффах! И ей, как владелице зеленых ошейников, было что рассказать.

– А потом я задам несколько вопросов тебе, – прояснила она ситуацию, сверкнув хитрыми карими очами.

Он вздохнул почти с облегчением – над этой загадкой ему не пришлось ломать голову: обычная сделка.

– Вам, как даме и как госпоже этого каравана, принадлежит право первой задавать вопросы мне, – произнес Гани – он сыграет по своим правилам.

Фенэ снова рассмеялась, запрокинув голову.

– Хорошо. Скажи мне, Мастер Наэль, зачем ты возвращаешься в Тарию?

Гани пожал плечами:

– Там моя родина.

– Там у тебя поместье? Земли?

– Скорее, полное их отсутствие, – он усмехнулся, – но я собираюсь исправить это по возвращении.

Фенэ взяла белой холеной ручкой кусок мяса из миски, услужливо поднесенной ей лысым зрителем, бросила эффу, зверь поднял голову, лениво клацнул зубами, поймав мясо, и снова замер уродливым каменным изваянием.

– А почему ты не остался в Аре? Тебя, как я знаю, неплохо принимали в благородных домах.

Гани с удовлетворением вспомнил, *насколько* неплохо принимали его в Аре.

– Когда ты, к'Хаиль Фенэ, увидишь Город Семи Огней, когда вдохнешь его воздух, пройдешься по его улицам, тогда ты поймешь почему. Приехавшего единожды к Семи Огням город, пожалуй, отпустит, но не того, кто прожил в нем двадцать лет.

Как мотылек на свет летит,
Лечу к нему и я,
Там Семь Огней горят в ночи,

Там Родина моя! –

процитировал он слова из песни.

Фенэ задумчиво хмыкнула:

– А трудно ли стать гражданином Тарии?

Наэль удивился вопросу, неужели она задумывается о том, чтобы переехать в Тарию? Невиданная удача для Совета – заполучить владелицу эффов...

– Да нет, нетрудно. Нужно лишь заплатить пошлину, заплатить за гражданство, за право покупать и продавать землю и строения, за право нанимать слуг... Немного золота – и ты тариец. Чего нельзя сказать о гражданстве Города Семи Огней.

– А разве это разные гражданства? – Она удивленно выгнула бровь, но по ее хитрым глазам трудно было определить, действительно ли она не знает, или просто проверяет Гани.

– Да, гражданство Семи Огней – для избранных. Его тоже можно получить, хотя и намного труднее: по наследству или окончив одну из Академий Пятилистника, как я, например, ну или женившись либо выйдя замуж...

– Ты – гражданин Города Семи Огней?

– Да. И я готов помочь моей госпоже. – Наэль, улыбаясь, вновь слегка поклонился Фенэ, а та рассмеялась в ответ:

– Это предложение, Мастер Наэль?

– Если госпожа сочтет его достойным.

– Что ж, я подумаю. Теперь спрашивай, что ты хочешь знать о моих эффах.

Наэль был так обескуражен ее вопросами, что не сразу вспомнил о своих.

– Нельзя ли мне поближе рассмотреть ошейник эффа? – наконец сказал он.

– Так подходи и смотри.

– Ну... эти... песики... не очень хорошо пахнут; не можешь ли ты попросить зрителя снять ошейник.

Сейчас она действительно удивилась и посмотрела на него широко распахнутыми глазами. А затем рассмеялась – громко, нервно и даже запрокидывая голову, как обычно.

– Мастер Наэль! Тебе надоело жить? Эфф без ошейника – то же, что меч, летающий по лагерю сам по себе и убивающий каждого встречного. Зверь превращается в смертельный ураган. Без ошейника он неистов и кровожаден без меры. К тому же это ЭФФ!!! Не песик, как ты выразился, а зверь, который сильнее медведя и быстрее тигра. От него не отбилась бы и стая волков. И он не пощадит никого: ни меня – его хозяйку, ни Боджо, – она кивнула на лысого зрителя, – ни тебя!

Так, значит, это правда. Даже зритель не может снять ошейник с эффа. Тогда КАК он оказался у Вирда?!

– И что, нельзя никак заполучить ошейник? – сделав недоумевающее лицо, спросил Наэль.

– Можно, если убить эффа. Но этого я не позволю, он слишком дорого стоит. Да и вероятность того, что ты его убьешь, ничтожно мала. Разве что тебе будут помогать пара дюжин опытных бойцов. Но, надеюсь, ты не подговорил всех охранников в караване напасть на моего эффа? – насмешливо поинтересовалась она.

– Да нет... – смутился Гани. – Я не стану никого убивать. Ну, разве что на меня нападут... Зачем ты их везешь с собой? Пустишь в ход, если кто-нибудь из рабов убежит? – Он не надеялся, что к'Хаиль Фенэ скажет правду об истинных своих целях.

– Чтобы пустить их в ход, нужны Права, а я в своих рабах – по крайней мере, в тех, что в караване, – уверена, и их Права оставила в Буроне, – довольно откровенно на первый взгляд ответила она. – А вот если помощь потребуется к'Хаиль Кох-То, я смогу оказать ей такую услугу. Права на ее рабов – в той повозке, что занимаете вы с учеником.

Это было новостью для Гани. Что такое Права, он знал, он видел эти коробочки у многих благородных. Как они хранят кровь? Как обращают ее в твердую прозрачную горошину?

– Я слышал, чтобы пустить эффа по следу, нужны волосы и кровь преследуемого. Это так?

– Да, это и есть Права.

– А если дать эффу свежую кровь? Не из Прав...

Он вновь по-настоящему удивил ее своим вопросом.

– У вас, тарийцев, извращенный ум. Зачем давать эффу свежую кровь, если есть кровь в Правах? Свежую кровь мы даем ему как лакомство.

И это у тарийцев-то извращенный ум?

– Я просто беспокоюсь. Если у меня, например, отрезать незаметно клочок волос и взять немного крови, а потом послать эту тварь по следу – она меня найдет?

Фенэ помолчала несколько минут, обдумывая ответ.

– Таких случаев в Аре не было, – наконец сказала она медленно, – эффов посылали только за рабами. Если эфф убьет свободного человека, то его хозяин, вернее – тот, чьего цвета ошейник он носит, ответит за это перед императором.

Гани Наэль с деланным облегчением вздохнул и развел руками:

– Что ж! Это радует! Когда за мной пришел тот убийца, – он небрежным жестом подкинул нож с рукояткой-эффом и ловко поймал его, – я смог себя защитить. Но я буду гораздо более спокойно спать, зная, что за мной не пошлют что-то вроде этого чудовища.

Фенэ взяла его под руку и не спеша повела к центру лагеря.

– Тебе, Мастер Наэль, следует меньше гулять по ночам за пределами лагеря. А если уж не можешь отказаться от таких прогулок, то бери с собой пару охранников. Твой ученик, конечно, заслуживает похвалы. Такая верность у слуги...

Гани непонимающе на нее взглянул.

– Он взял на себя основной удар, – продолжала она, – и ты успел расправиться с убийцей.

Знала ли она, что Вирд и был целью ночного охотника, а не Наэль? Для такой умной женщины, как Фенэ, ничего не стоит сложить легкую головоломку и понять по увиденному и рассказанному охранниками, кто на кого напал: раненый Вирд на земле, нож Гани в спине убитого...

– Да, он молодец... – настороженно ответил музыкант.

– Верные люди – большая редкость, Мастер Наэль. Особенно свободные. Рабов легче заставить быть верными.

– В Тарии нет рабов.

– Я это знаю. И меня это беспокоит... Но все ж побереги себя, Гани (она впервые обратилась к нему так неофициально), мне будет неприятно, если тебя убьют в моем лагере.

Ото Эниль

Советник Ото Эниль сидел в кресле на широкой лоджии, выходящей на зимний сад Здания Совета, один из многих зимних садов здесь. Те, кто давным-давно возвел это величественное сооружение – давнее приют Советникам и Большого и Малого Советов, их семьям и слугам, да и самому Верховному, – знали толк в выращивании растений в помещениях. Сад, освещенный тарийскими светильниками – наследием Мастеров Огней, которые вот уж более трех веков не рождаются в Тарии, зеленел и цвел разнообразнейшими цветами всех оттенков и форм. Здесь растения со всего света: вот деревья Фус с листьями-перьями, а там дальше кусты Файчи цветут ярко-голубым, а нежно-розовое соцветие Джа над самой водой встречается, как утверждают знающие люди, только в пустыне Листан. Садовники Силы могут любое растение приспособить к новым условиям: немного их воздействия – и вот оби-

татель пустынь клонится к воде, а теплолюбивые деревья Мицами украшают улицы Города Семи Огней, спокойно переживая зиму.

С высоты лоджии он любовался искусственным водопадом Радуг. Вода, искрящаяся в лучах солнца, стекала по широким террасам, окруженная зарослями вечнозеленых лиан и цветущих орхидей. Благодаря мудрости строителей, создавших при помощи застекленных куполов особое преломление лучей света, над водопадом то и дело возникали радуги, за что он и получил свое название.

Ото успокаивала вода, ее шум, ее вечная могучая сила, текучесть и гибкость... А он сейчас очень нуждался в успокоении. Здесь, внутри Здания, царило вечное лето, где-то в зарослях пели яркие птицы, цветы, радуги и водопад радовали глаз. Но за стенами было пасмурно и холодно. В Тарии наступила осень. И вместе с нею наступали тяжелые времена.

Ара вторглась в Доржену. И при этом безумец, помешанный на войне, император Ары – Хокой-То хорошо знал, что Доржена находится под защитой Тарии. Не помогли дипломатические усилия и ухищрения тарийских послов при дворе императора, не помогли и угрозы.

Эти дикари арайцы, практикующие до сих пор рабство, только и делают, что воюют; они сомнут Доржену, уничтожат ее, если, конечно, тарийцы не окажут помощь. Но послать войска на помощь – означает начать войну с Арой. А может ли Тария сегодня позволить себе эту войну, в то время как миру грозит более серьезная опасность?

Весь Совет словно обезумел, все только и думают о том, как проучить Ару. Да, ее давно следовало подмять под себя, уничтожить эти дикие порядки, принести туда закон свободы и чести, но это следовало сделать лет сто назад или хотя бы пятьдесят. Но не сейчас! А Совет не желает понимать этого, не видит, что приходит всему конец, что надвигается буря... что исполняются пророчества древности. Даже Верховный поддерживает этого излишне горячего и не очень рассудительного, получившего только три года назад свою корону Короля-Наместника Мило Второго и его слишком смелые, слишком горячие, слишком авантюрные планы.

Впрочем, так и сказано было в пророчествах Кахилия из эпохи Мари: *«...и наступят Времена Ужаса! В последние дни безумие заполнит землю, даже Мудрецы потеряют мудрость, и самые великие из них станут слепцами, и тогда ничего не знающие поведут их... Юность посрамит старость, и мудрость их будет как дым на ветру»*.

Ото Эниль прожил долго, очень долго, дольше любого члена Совета, он видел и войны и мирные времена, видел, что войны делают со страной. Это очень большая цена, и если уж ее и платить, то зная за что. Сила все еще бурлила в нем, как в юности, но его волосы стали седые, и хотя он не подвержен был старческим болезням, как неодаренные, отливы Силы, после ее использования, все чаще оставляли его тело беспомощным. Почти как в шестнадцать лет, когда в нем впервые развернулся Дар. Он лежал тогда в беспамятстве несколько часов. Потом, с годами, научившись управлять своей Силой, Ото перестал замечать оттоки: лишь легкая слабость на мгновение и чувство голода, которое тоже проходило довольно быстро. Теперь же это вернулось. Советник Эниль пришел сюда, едва волоча ноги. За час до этого он толковал пророчества Кахилия и прочих о Временах Ужаса, используя Силу. Он позволил Дару нарисовать ему картины, описанные в пророчествах, и по многим приметам удостоверился, что эти времена наступают сейчас! Он давно убедился в этом и не раз говорил перед Советом, но мужи Силы из Семи и сам Верховный не считают, видимо, его откровения серьезными.

Он спорил до пены у рта, как мальчишка-студент, с Советником Кахом, что нужно обратить свой взор не на юг – на мятежную Ару, а на север. С севера придет главный враг. Северные ветры принесут то зло, что может погубить Тарию, разрушить ее до основания, а Аре это не под силу, даже если она возьмет Доржену.

Держеной же нужно пожертвовать. Хокой-То – всего лишь человек, правитель, временам которого придет конец, еще лет десять – двадцать он будет беспокоить землю своим присутствием, а то и меньше, а затем обратится в прах, и планы его рухнут, а земли, которые он захватил, отпадут от Ары, как спелые яблоки падают с дерева.

У него нет мудрости Гостака, его отца, который смог не только захватить, но и удержать и даже, несмотря на отсталость и дикость порядков Ары, улучшить состояние захваченных государств.

И негоже Совету Семи обращать так много внимания на мятущегося Хокой-То: пусть живет и гибнет в своей суете.

Ото Эниль почувствовал сильный голод. Так всегда после отлива Силы: сначала слабость, затем волчий аппетит. Он позвал слугу, верного Кими, всегда незримо присутствующего где-то рядом, и попросил принести ему немного поесть. Как Кими постарел... как согнулся, а ведь он младше Ото раза в три, а то и больше. Но он упорно не желает уходить на заслуженный отдых, не хочет оставлять Ото без поддержки. Старый слуга мог и не идти сам за едой для Ото, но он никому не доверял питание господина. Кими – не просто слуга, он друг... лучший друг Ото.

Кими его понимал, с ним можно было обсудить очень важные вещи, но он неодаренный, и его мнение ничего не значит для Совета. Еще одно безумие Мудрецов – Совет и Верховный почти ни во что не ставят неодаренных и даже к словам Профессоров и Мастеров Пятилистника не прислушиваются, а стоило бы. Ото Эниль за всю свою жизнь никогда не пренебрегал мудростью людей, лишенных Дара. Им, может, и не доступно творить что-либо с помощью Силы, но иногда Дар даже мешает трезво мыслить и принимать взвешенные решения. Одаренные никогда этого не признают, а следовало бы учить такому откровению всех первогодков в Академии Силы.

Советник Эниль поддерживал связи, и даже больше, – дружил со многими Профессорами Пятилистника. В Пятилистнике, особенно в Академии Философии у него было больше единомышленников, нежели в Совете Большом и Малом или среди других Одаренных. Может, поэтому он и был чужд их взглядам на жизнь; может, он просто отвык от общения с ними. Может, стоит проложить мосты между ним и другими Советниками, хотя бы из Семи. Или уже поздно?..

Наскоро перекусив мясом, сыром и фруктами, запив все это красным сухим вином со знаменитых виноградников на склонах Фа-Нолл, Советник Ото Эниль покинул лоджию и, уже полный сил, бодро зашагал по коридорам Здания Совета. Он направлялся в Академию Силы.

Для начала осени день выдался необычно холодным. Выходя из Здания Совета, Ото накинул непромокаемый с шерстяной подстежкой плащ, он закутал в него свое обманутое Даром, молодое как у тридцатилетнего, несмотря на долгие годы жизни, тело. Но его плоть, по-видимому, уже начала распознавать обман, как это случалось рано или поздно со всеми Одаренными: первый признак – возвращение слабости при оттоках Силы, позже Ото стал мерзнуть. При такой погоде – ветре и дожде, он и вовсе чувствовал себя ледяной статуей.

Эниль кутался в шерсть и мех, как глубокий старик, которым на самом деле и был, а согреться почти не мог, помогало только горячее вино. Через несколько десятков лет, а может, и раньше (у всех по-разному) он потеряет ясность зрения, его кости станут хрупкими, как стекло, а руки будут дрожать; после использования Силы он будет терять сознание на часы, а после и дни, а потом – он умрет, как все смертные, при этом будет выглядеть по-прежнему тридцатилетним.

Кими семенил рядом, тоже зябко кутаясь в теплый плащ. Но он хотя бы и выглядел как старик.

– Не лучше ли доехать экипажем, Ото? – спросил Кими, накидывая капюшон плаща и щурясь от ветра, задувающего в лицо.

– Может, тебе лучше остаться, Ким? – осторожно, стараясь не обидеть его, спросил Эниль.

– Что, стесняешься меня? – Все-таки обиделся... – Тебя, наверное, все на смех поднимают из-за того, что таскаешься везде с неодаренным стариком.

– Да что ты, Кими! Я просто сам замерз как собака и представляю, каково тебе.

– А я крепкий! – не унимался Кими. – Хочешь пешком – пойдем пешком.

И они побрели сквозь дождь и ветер по широкой мостовой улицы Мудрых, что была прямой как стрела и вела к Пятилистнику и Академии Силы в центре. По правую и левую стороны улицы возвышались дома Одаренных, лучшие в Городе Семи Огней дома для лучших Мастеров. Они построены на славу, Архитекторы Силы работали здесь. Конечно, эти особняки не сравнить со Зданием Совета, возведенным еще в древности, или Дворцом Огней, что построен великим Мастером Тотилем, но они – достойное украшение города.

Вот в этом высоком доме с красной черепицей жил когда-то его друг – Мастер Ювелир Фаэль. Редчайшее занятие для Одаренного. Эниль видел сейчас в воспоминаниях, будто бы наяву, как Фаэль встречает его на пороге, как улыбается: высокий, гибкий широкоплечий мужчина с приятной улыбкой. Верховный и Семь заказали у него Перстни Советников, и изделие Мастера уже не первый десяток лет греет руку Ото своим теплом. Это не метафора – сделанный с помощью Силы, Перстень действительно давал тепло владельцу. И даже сейчас, когда все его тело пробирал жуткий холод, кисть правой руки совсем не мерзла.

Ото отказался от экипажа намеренно: он хотел прочувствовать этот ветер и непогоду, а то, сидя в теплом, уютном здании, где есть свои зимние сады и водопады, можно и забыть о том, что происходит снаружи. Забыть, что мир движется к Временам Ужаса, как забыли об этом остальные члены Совета. Забыть, что ты уже старик, который мерзнет от осеннего дождика и дрожит от легкого ветерка. Что же будет, когда придет зима?.. Мудрому нельзя забывать о таких вещах: как только перестанешь видеть правду, перестанешь смотреть по сторонам – мудрость твоя обратится в дым, как сказано в пророчестве. Только Кими жаль, ему-то не грозит забыть о старости и немощи: собственные кости напомнят и, судя по тому, как он съежился и сгорбился, уже напоминают. Нужно будет попросить Каха исцелить его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.